

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

О Светке, Мирко и Хорватии

Привет, дружище! Проходи, давно тебя не видел. Сколько? Три недели? Точно, три недели! Слушай, а такое впечатление, что давно-давно...

Садись, дорогой! Эх, чем я тебя сейчас угощу! Подожди, подожди, с чего же начать? Начнем, пожалуй, с ораховицы. Обязательно с ораховицы! Это я ее из Хорватии привез, и не только ее, но и ракию, и сливовицу, и чудный ликер мараскино, и пршут! А ты думаешь, почему я такой загорелый? Как раз оттуда, с моря, и прибыл. Ну, давай, дружище, за встречу! А потом я тебе расскажу обо всем...

Расскажу о Светке, о ее муже Мирко и их детях, о бабушке Марии, о Белине, Харри и Чико, о непоседливой Елизавете Путынь, о старом польском штурмане Яцеке-контрабандисте и его жене, о хорватской украинке Ярославе. Об идиотской войне и о том, как Светкиных детей могли закидать камнями в раннем детстве. О том, как яхта Абрамовича не прошла под мостом на реке Крка. О пеке и хорватском мороженом. О том, как я не стал послом доброй воли...

Ну, как тебе ораховица? Хорошо пошла? А вот давай я сейчас тебе рюмочку ракии налью – ее Мирко сам делал – и все расскажу. За что выпьем? Конечно же, за Светку!

От Онего до Адриатики

Крепка ракия? А ты думал? Зато какой аромат! Настоящий, виноградный! Ладно, закусывай вот хорватским окороком, а я, пожалуй, начну...

О Светке, значит...

Хотел бы рассказать тебе сказку о том, как девушка из города с берегов Онежского озера попала в красивую теплую страну у синего-синего моря и сделалась там принцессой. Нет, друже, не получится такой сказки. Хотя начало этой истории точно похоже на сказку.

Представь, жила в Петрозаводске девушка Света. Как говорил товарищ Саахов в фильме «Кавказская пленница», «спортсменка, комсомолка и просто красавица». И на самом деле, так оно и было. Хорошо училась в школе, потом в университете на экономическом факультете, занималась плаванием и танцами и при этом была натуральной блондинкой с голубыми глазами и обалденной фигурой, прикинь! Откуда я ее знаю? Не смейся! Светка – моя одноклассница! Вот так! В конце восьмидесятых Свету уговорили поучаствовать в городском конкурсе красоты. Первое место она не заняла, но к высшей ступеньке на пьедестале была очень близка, за что и получила приз – путевку в Югославию. Да-да, тогда это была еще

Социалистическая Федеративная Республика Югославия, благополучная страна, балансирующая на грани социализма и капитализма, которую после Второй мировой войны при поддержке СССР создал талантливый и харизматичный лидер Иосип Броз Тито.

Тогда эта страна, как и наша с тобой Родина – Советский Союз, доживала последние годы.

И поехала она туда! Покаталась по стране! И попала на берег самого чудесного моря на Земле – Адриатического! Хорваты называют его «Ядран». Приехала она на берега Ядрана и поселилась в отеле «Медена», одном из самых крутых отелей в ту пору в Югославии.

Мы с женой Леной в этом отеле тоже побывали.

Это недалеко от того места, где сейчас живет Света.

Сегодня «Медена» вполне заурядный гостиничный комплекс на Адриатике, ничем не отличающийся от других приморских отелей. Потрепанный временем. Ну, это так, к слову...

И пошла она в один из теплых хорватских вечеров на отельную дискотеку с подружкой. Любила танцевать, чертовка. И сейчас любит, между прочим. Я в этом убедился, когда мы ездили в Трогир. Ну, про танцы в Трогире позже.

В этот же вечер туда заглянул со своим приятелем симпатичный парень Мирко. Он тогда работал в фармацевтической фирме в Сплите. А жил (и живет со Светой до сих пор) в поселке Сегет Враница. У его семьи там родовые земли.

Надо тебе сказать, что в старые времена хорваты занимались в основном земледелием и скотоводством в горах и предгорьях. Это было престижно и выгодно.

Так вот, старшие сыновья в семьях наследовали именно этот бизнес, как сейчас бы сказали. А младшим давали земли на берегу моря и отправляли ловить рыбу, что у них в древности считалось не очень почтенным занятием. Мирко как раз и происходит из той ветви своего рода, которая поселилась у Адриатического моря. Он – потомственный «рибарь». Рыбак по-нашему. У него даже лодка есть, которой сто двадцать лет, представляешь? Еще его прадеды на этой лодке в море выходили. Мирко старую лодку холит и лелеет, чинит и реставрирует.

Сейчас хорваты – земледельцы и скотоводы – почти все разорились, их земли в горах ничего не стоят и постепенно пустеют. А те, кто издревле жил у моря, богатеют, земля там дорожает, строят они виллы для туристов и благодарят, наверное, Бога и предков, что выгнали когда-то их дедов на побережье.

Давай-ка за Мирко и его лодку сливовицы выпьем...

Как тебе сливовица? Потом расскажу, как она делается.

Так вот, пришел Мирко с приятелем в тот вечер на дискотеку в «Медену». А там уже Светка распустила свои длинные белокурые волосы и самозабвенно танцевала. Мирко увидел ее и влюбился сразу же. Девушка снисходительно позволила Мирко поухаживать за ней. «Пойдем погуляем», – предложил молодой хорват. Петрозаводчанка не возражала. Они вышли на автостоянку, и новоиспеченный ухажер остановился у старенькой небольшой машины, типа нашего «Запорожца». «У-у-у-у-у, – разочарованно подумала девушка. – Нашла себе кавалера!» Но Мирко в тот момент остановился у этой развалюхи лишь на секунду, чтобы достать ключи от своего новенького большого красного «форда», который был припаркован неподалеку. Зарабатывал он хорошо и мог себе позволить подобное средство передвижения, которое тогда на нашей Родине считалось верхом роскоши...

Потом были прогулки под лунной, катание на той самой старинной лодке, о которой я тебе рассказывал, поцелуи, наверное... Ну, и все такое...

Затем Светка уехала домой в Петрозаводск – истек срок путевки. Были звонки из Хорватии, пылкие признания в любви, уговоры выйти замуж. В конце концов, она согласилась. Влюбленные договорились, что Мирко приедет в Карелию просить у Светкиных родителей руки дочери...

Мирко прилетел в Москву, столицу СССР, зимой.

Это было время пустых полок, талонов и обозленных донельзя людей. В аэропорту его встретила Света. Ужаснулась, когда увидела, как Мирко одет. В зимнюю российскую стужу он нырнул в тонких ботиночках и совсем без теплых вещей. Пришлось невесте срочно покупать франтоватому, но непрактичному хорвату зимнюю шапку, тулуп и прочие необходимые в нашем климате аксессуары. Не очень модно, зато тепло. В Петрозаводск к родителям соискатель руки их дочери приехал экипированным подобающим образом.

Мирко до сих пор не может забыть первое впечатление от петрозаводских магазинов. «Представляешь, – рассказывал он мне. – Мы приехали в ваш город, я поменял валюту – получилось много русских денег – и мы пошли в магазин. А там ничего нет! Ничего! Я совал какому-то продавцу целую пачку купюр и просил его продать одну курицу. Он испуганно мотал головой и кричал, что с радостью продал бы мне, но куриц просто нет. Ничего нет! Все продано по талонам. Я этого не

понимал! Единственное, чем я мог помочь моим новым родственникам, – это купить за немецкие марки пиво в магазине «Дьюти фри» в вашей гостинице «Карелия».

Когда он рассказывал мне об этом – горестно мотал головой.

Ты знаешь, дружище, и я сейчас вспомнил это время. А ведь оно было. И было совсем недавно. Просто мы об этом забыли как о дурном сне... Или стараемся забыть... Потому что очень боимся, что оно повторится...

Кстати, Светка мне рассказала, как Мирко еще раз столкнулся с ненавязчивым российским сервисом в свой второй приезд в Россию. Это было в 1991 году. Они приехали с годовалой Михаэлой – старшей их дочкой – показать потомство бабушке и бабушке. В Москве Мирко опять поменял валюту, и они пошли перекусить, пока ждали поезд на Петрозаводск, в ресторан гостиницы «Ленинградская». Пришли они, значит, в ресторан, заказали еды по бешеным ценам. Из того, что им принесли, Мирко не смог съесть ничего. Не потому, что он привередливый – просто все было действительно ужасно приготовлено. Но больше всего хорватского мужа поразило другое. Светка попросила теплого молока для дочки. Оказалось, что просто теплого молока им принести не могут. Пришлось не приученной к российским реалиям семье платить за порцию какао, сваренного на молоке, но просить не варить какао, а просто принести это несчастное молоко. Только так они его и получили. И смогли накормить малыша...

Давай выпьем, а? Чего тебе налить? Чистой ракии? Давай ракии. Я, кстати, видел, как она готовится. Видел эти емкости с виноградом, где он бродит. Потом виноград варится в большом котле. В котел при этом постепенно добавляются травы и специи. Затем эта виноградная брага перегоняется и получается вот такой славный напиток, который ты так лихо сейчас проглотил. Он, между прочим, крепкий: сорок пять градусов. Вот тебе и «ого»! А из ракии потом как раз и делается сливовица, траварица и ораховица. Ну, об этом потом...

Свадьбу Света и Мирко сыграли в Хорватии. Я был в Трогире, славном старинном городке, в мэрии, где их поженили. Наша карельская Света стала Светланой Билота. Вот на этом, дружище, сказка и заканчивается. Тем более что от начала семейной жизни Мирко и Светы до начала сербохорватской войны времени оставалось совсем немного...

Невыносимая прелесть хорватского бытия

Дом Светы и Мирко стоит прямо на берегу Адриатического моря. Это земля семьи Билота. Рядом живут родственники Мирко, это тоже семейные земли. Есть еще у них в горах оливковая роща, деревья там растут уже сто пятьдесят лет.

Вилла, в которой сейчас Света живет с мужем, детьми и бабушкой Марией – матерью Мирко – и в которой они принимают туристов, построена совсем недавно. А пришла жить новобрачная в другой дом, старый, которому уже в ту пору-то было больше ста лет.

Главой семейства Билота считается бабушка Мария. Ей сейчас 81 год. На нее записаны все родовые земли, она считается их хозяйкой. И именно поэтому государство не платит ей пенсию. Ни копейки, представляешь?! Потому что таково хорватское законодательство. Если ты землевладелец и используешь свою землю, на ней живут и работают твои дети и внуки, то не жди помощи от государства. Дети, к которым по наследству потом отойдет земля, должны тебя содержать. Ну а если они тебя не содержат и ты не можешь использовать свою собственность – отдай земельные угодья государству и тогда оно начислит небольшое пособие по старости. Естественно, на это семейство Билота не идет, их приморские земли постоянно растут в цене, да и есть пока кому на них работать.

Баба Мария смеется: «Мы Свету у вас украли...» Я сначала не понимал этой шутки. Как украли? Вроде добровольно вышла замуж, сама сюда приехала. Оказалось, это старушка вспоминает свою молодость. Есть у хорватов такой древний обычай: юноша крадет понравившуюся ему девушку. Ну, или делает вид, что крадет. И привозит к себе в дом. И если эта украденная девушка провела три дня в доме парня, то он, как честный человек, обязан на ней жениться – не отвертись. Вот так в свое время украли и саму бабу Марию и заперли на три дня в сарае. Потом, естественно, была свадьба и пир горой. Теперь она, вспоминая этот обычай, так и шутит о Светке.

Надо откровенно сказать: и хорватские родственники, и карельские брачному союзу Мирко и Светы не сильно обрадовались. В Петрозаводске совсем не хотели, чтобы дочка уезжала к мужу за тридевять земель. А семья хорватских католиков неохотно смирилась с тем, что в ее лоно вошла православная девушка. Возможно, у них – и в Петрозаводске, и в Сегет Вранице – были и еще какие-то причины не желать этой свадьбы. Как бы там ни было, но Светке приш-

лось совсем нелегко. И не только потому, что с новой родней было сложновато.

Жизнь у прекрасного синего-синего моря оказалась совсем не такой, какую она себе рисовала в мечтах.

В Петрозаводске Светка работала экономистом. В Хорватии экономист с дипломом советского вуза никому не был нужен. Поэтому пришлось ей и гидом поработать (кстати, она до сих пор водит экскурсии по Хорватии, частенько даже для ВИП-клиентов из России), и земледелием заниматься: овощи выращивать, оливки, помидоры. И продавать все это на рынке, чтобы немного денег для семьи заработать. Так что не все для нее на побережье Ядрана так сладко было...

Давай-ка еще по рюмочке ораховицы. Вижу, она тебе понравилась, а? Эта настойка, я же тебе говорил, сделана из ракии. Рецепт прост. Берутся грецкие орехи, но не вполне созрев-

шие, а так называемой «молочной спелости». Заливаются ракией. Ракия с орехами выставляется на солнце и стоит там сорок дней. Так и получается ораховица – ароматная, приятная на вкус. Пьется очень легко, заметил? Так же делаются и сливовица, и траварица (эта на двадцати целебных травах настояна), и вильямовка – грушевая настойка, и медовина. Последняя, понятное дело, на меду. Пробуй-пробуй! И окороком, окороком обязательно закуси. Это необычный окорок. Это, брат, пршут! Тот самый пршут, который так ценят гурманы. Вот представь: берут они там, в Хорватии, свиной окорок, натирают его солью, перцем, чесноком, розмарином и молотым лавровым листом. Потом подсушивают и коптят на ветру. А ветер, представь, с моря, соленый, сам по себе душистый. Потом опять сушат. Долго сушат, больше года. Так и получается это мясо, от одного его аромата уже слюнки текут. Вкусно? То-то! Я в Хорватии каждый день им объедался, оторваться не мог!

Что говоришь? Рассказать, что дальше со Светкой было? Дальше, дружище, была война... Сербохорватская война. Правда, фактически началась она задолго до того, как Светка переселилась в Югославию...

Вообще-то, сербы и хорваты – не просто соседние народы. Это южнославянские народы-братья, можно и так сказать. У них даже язык общий, он так правильно, по-научному, и называется: сербскохорватский. Замечательный, кстати, язык, очень похож на древнерусский, наверное. Но о нем я тебе еще расскажу. Ты же никуда сегодня не торопишься? Нет? Ну и прекрасно!

И жили сербы и хорваты по соседству на Балканах. Но так уж распорядилась история, что хорваты попали в лоно католической церкви, а сербы издревле были православными. Когда в четырнадцатом веке часть сербов бежала со своих исконных земель от османского ига, беженцы

нашли приют в хорватских землях и там возникли сербские поселения. И не было тогда никаких трений между братьями-славянами, несмотря на религиозные различия. Роднились, появились смешанные семьи. Все ж таки, как ни крути, и те, и другие были христианами...

Рознь, и межнациональная, и религиозная, между сербами и хорватами возникла, когда хорватские земли попали под власть Австро-Венгрии. Империи Габсбургов было очень выгодно, чтобы балканские народы грызлись между собой, и они эту рознь насаждали и всячески поддерживали. «Разделяй и властвуй», понимаешь...

Под чутким руководством австрияков возникло даже хорватское националистическое движение «франковцев». «Франковцы» выступали за изгнание сербов с хорватских земель. Сербы же, пустившие здесь уже глубокие корни, понятное дело, как могли, огрызались. Тут еще замечу, что далеко не все хорваты поддерживали идею вытеснения

Баба Мария

старых соседей, многие сочувствовали сербам. Очень многие. Но, дружище, агрессивно-послушное меньшинство, сбившись в стаю, имеет больше шансов победить. Так и произошло в Хорватии. «Понаехали тут!» – орал националисты.

Во время Второй мировой войны эти агрессивные олухи создали Независимое государство Хорватия, которое активно сотрудничало с фашистами, и немецкими, и итальянскими. В этом государстве геноцид сербов был возведен в ранг государственной политики. «Треть сербов уничтожить, треть изгнать, треть перекрестить», – говорили хорватские поклонники Гитлера и рьяно проводили этот принцип в жизнь. В лагерях, созданных усташами, так они назывались, в те годы погибло несколько сот тысяч сербов.

И в то же время смотри как интересно получается: были сербы – их было немного, но они были – которые тоже воевали на стороне Третьего рейха. Эти отряды сербских националистов (они называли себя «четники») занимались тем, что истребляли – под сенью когтистого орла и свастики – хорватов. Думаешь, это сами народы так все закрутили и увлеченно, с каким-то дьявольским азартом занимались взаимным уничтожением? Конечно же, были, как сейчас модно говорить, кукловоды. Тогда они носили черные мундиры и череп с костями на фуражках...

Простые-то люди – и хорваты, и сербы – не вовлеченные в тогдашний военно-политический идиотизм, как могли, помогали друг другу и вместе боролись против фашизма. И это тоже исторический факт.

После Второй мировой была создана Социалистическая Федеративная Республика Югославия, в которую вошли и Сербия, и Хорватия. Мудрому человеку, военачальнику и дипломату Иосипу Броз Тито удалось преодолеть межэтнические разногласия и потушить конфликты на территории своей страны. Пока он правил СФРЮ, Сербия и Хорватия благополучно жили вместе и быстро развивались.

Потом Тито умер. Хоронить его в Белград приехали все лидеры ведущих держав земного шара того времени, а прощание с ним показывали в прямом эфире все мировые телеканалы. Не поверишь, я в этот день сбежал из школы и тоже смотрел, как хоронят маршала, который яростно боролся с фашистами, а потом имел смелость послать Сталина куда подальше с его директивами и указаниями и идти своим путем. Путь Тито в мировой политике назывался «Движением неприсоединения», то есть Югославия не кланялась капиталистам, но и социализм строила на свой лад, не оглядываясь на Кремль.

Казалось, мир на Балканах, сохраненный этим великим, без преувеличения, человеком, даст возможность мировому сообществу сохранить паритет между Востоком и Западом. Ведь на Балканах решалось очень многое в мировой политике еще со времен Средневековья, а тем более в последние два столетия. Еще Черчилль сказал: «Балканы – это мягкое подбрюшье Европы». Но это только казалось, что такая возможность дана...

Тито умер, а его преемники не смогли так же талантливо, как он, решать межнациональные вопросы и влиять на мировые процессы. Кроме этого, в конце восьмидесятых годов прошлого века постепенно изменялся и мировой порядок, созданный после войны с Гитлером.

Не хочешь попробовать траварицы? Давай-ка по капельке этой настоечки хорватской. Не зря вез, знал, что ты оценишь...

Так вот... В это время силы, распилившие и фактически уничтожившие уже СССР, начинают активную деятельность по увеличению своего влияния на Балканах. На спокойных до сей поры и стабильно развивающихся экономических территориях. Хотят прибрать к рукам этот лакомый кусочек земли, и им абсолютно не нужен союз балканских народов. Как посеять смуту в этом регионе? Да очень просто: возродить и раздуть старые раздоры. Типа: «Мы НАШ, мы новый мир построим...» И начали строить свой, нужный им мир. Если это можно назвать миром. Недалеко видные преемники Тито им в этом помогли. Лидер тогдашней – посттитовской – Югославии серб Слободан Милошевич думает силой удерживать в рамках единого государства в одночасье взбунтовавшиеся по указке извне и вспомнившие старые обиды республики – Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Македонию, Черногорию... Не получается.

Хорватия, как и другие балканские территории, хочет полной независимости. Идут переговоры. Вроде бы уже готово мирное соглашение с Сербией. Хотя то там, то тут вспыхивают вооруженные стычки. И эти стычки перерастают в войну. Полномасштабные боевые действия начались в августе 1991 года. Хорваты называют войну «отечественной». Типа, за освобождение от сербов она шла. Сейчас историки могут спорить: кто виноват в этой войне – сербы, хорваты, внешние силы или давние религиозные противоречия? Но вот факт: в борьбе за свои права хорваты в конце восьмидесятых – начале девяностых годов вдруг начали массово – и насильственно – закрывать храмы православной сербской церкви.

Еще факт: к 1991 году сербы были совсем изгна-

ны из десяти хорватских городов, из ста восьмидесяти трех сел полностью и из восьмидесяти семи сел – частично. Покинуть свои дома в Хорватии пришлось сорока тысячам этнических сербов.

Хорваты говорят, что они хотели сами распоряжаться своими природными богатствами и экономическими мощностями без участия сербов. Но те сербы, что жили многие годы в Хорватии, как раз и создавали эти экономические мощности вместе с коренным населением – чем они-то не угодили своим бывшим добрым соседям? Почему их надо было изгонять? Они – простые сербы – властвовали и притесняли хорватов? Они плохо работали или портили оборудование на заводах? Скот травили? Может быть, тайком по ночам убивали хорватских старушек католичек, божьих одуванчиков, топорами по голове? Черт с ним, с оборудованием и старушками! Ведь они же еще совсем недавно и семьи создавали с хорватами, общих детей имели! Светка говорила мне: «Знаешь, почему я крестила своих дочек в католическом храме? Потому что если бы я повела их креститься в православный храм, если бы он еще у нас был – девчонок бы могли забить камнями! Правда. Это не шутка и не преувеличение! Наши соседи бы и забили...»

Идиотская война! Как-то мы с Леной – моей женой – и Светой ехали из Трогира в Сегет Враницу. К нам в машину подседа совершенно седая, опирающаяся на костыль женщина. Она о чем-то оживленно говорила со Светой, пока мы довезли ее до дома. Когда возвращались к себе в коттедж, Света сказала: «Ее зовут тоже Светлана, она сербка. За мужем за хорватом. Во время этой войны не уехала. Представляете, что ей тут пришлось пережить?» Мы с Леной представили...

Но Светка помнит и другое. Как она убежала по берегу моря с маленькой дочкой Михаэлой на руках от сербского «МиГа», а пилот, как в насмешку, нагонял волну на беззащитных людей. Как прятались они, опасаясь нападения сербов, в горах. Как в том самом туристическом комплексе «Медена», где она когда-то познакомилась с Мирко, жили беженцы из горных сел, рядом с которыми шли бои. Тогда в отеле, что был гордостью Югославии, под мраморными лестницами крестьяне держали животных и кур. Куры прямо там и неслись. А тех барашков и коз, что они не могли прокормить или пристроить под лестницами в корпусах «Медены», беженцы забивали и солили прямо в ваннах номеров, где еще совсем недавно отдыхали туристы. Запах там стоял... я представляю.

Сербско-хорватская война шла с переменным успехом четыре года. То брали вверх войска сербов, то удачно атаквали хорваты. Периодически

случались перемирия и шли переговоры. Сербы уже только хотели гарантий безопасности для своих соплеменников, что еще проживали на территории Хорватии. Хорваты требовали полной независимости и определения границ своего государства в тех объемах, в которых они хотели. Туда входили и земли, где веками проживали сербы. Переговоры ни к чему не приводили, и боевые действия возобновлялись. Возможно, что воюющие стороны, в конце концов, договорились бы. Но это не устраивало тех, кто инициировал эту межнациональную резню.

Развязка наступила в августе 1995 года. Кукловоды (новые, без свастик на рукавах, но с такими же повадками), видя, что их план как-то неправильно построен и стороны могут договориться без них, решили вмешаться. Инициаторам войны надо было срочно что-то делать, даже если бы это что-то выглядело в глазах мировой общественности очень даже некрасиво. Впрочем, что им до общественности, этим кукловодам...

И они активно вмешались. В семь часов вечера 4 августа 1995 года с авианосца ВМС США «Теодор Рузвельт», который, совершенно случайно, естественно, оказался в зоне боевых действий, взлетели самолеты, которые атаквали сербские позиции и убили людей, которые Америке вообще никак не угрожали.

А тут еще в это же самое время – конечно же, тоже совершенно случайно – взлетели со своего аэродрома два итальянских бомбардировщика, которые бомбили сербскую авиабазу и тоже убили кого-то, кто ни к врагам НАТО, в общем, ни к врагам Италии, в частности, не имел никакого отношения. Тебе, дружище, это ничего не напоминает? Ирак, Ливия...

Несколько лет спустя эти добрые люди бомбили Белград, их бомбы убивали детей и женщин. Эти же добрые люди стыдливо (как голубые ворышки) отводили глаза, когда косовские албанцы захватывали сотни сербов и живьем резали их на органы, чтобы подзаработать денег на «освободительную борьбу».

Кстати, вот тебе итоги сербо-хорватской войны. Сотни тысяч беженцев. Во всей Хорватии было выброшено за порог своих домов двести пятьдесят тысяч сербов. С территории самопровозглашенной, в рамках границ Хорватии, Республики Сербской в ответ было изгнано сто шестьдесят тысяч человек – все хорватское население. В ходе боевых действий погибло двадцать шесть тысяч человек с обеих сторон. О потерях американцев и натовцев, даже если они имелись, не сообщается...

Хорваты говорят сейчас: «Мы все простили сер-

бам, но ничего не забыли». Интересно, что говорят по этому поводу сербы?

Нормальные отношения между двумя странами установились лишь несколько лет назад. В Сербии перестали бить стекла в машинах с хорватскими номерами, в Хорватии – в машинах с сербскими номерами. Устанавливается постепенно и межконфессиональный мир. Сейчас уже православных младенцев не будут забивать камнями хорваты-католики. Хрупкий мир, но все же мир. Тот самый – худой – мир, который лучше доброй ссоры...

Война между сербами и хорватами закончилась полной победой хорватов. Они получили все, что хотели: независимость, желаемые территории. Деньги на послевоенное восстановление им дал Евросоюз. До сих пор расплачиваются и даже берут новые кредиты, которые им с удовольствием предоставляют западные банкиры. Правительство новой страны уверено, что независимая Хорватия скоро войдет в Еврозону и пополнит список членов Европейского сообщества. Но простые хорваты, дружище, этого не очень хотят, поверь.

Светка с грустью говорит: «Эти, из Евросоюза, скуют наши земли, бизнес, экономика будут подчиняться их законам. Хорваты столетиями боролись за свою независимость – от римлян, даже от монголов, от турков, от венецианцев, от тех же сербов. И сейчас сами, добровольно, лезут в новую кабалу...»

Давай помянем те двадцать шесть тысяч человек – сербов и хорватов – которые погибли на этой войне за свою землю, но за чужие интересы. Так бывает...

Ну, не чокаясь...

«Привет, Света!..»

Мы не виделись с ней тридцать лет. С тех пор, как отгуляли выпускной вечер в нашей школе. Я знал, что она вышла замуж в Югославии и уехала туда жить. И думать не думал, что когда-нибудь увидимся. Совсем недавно, ползая от нечего делать по социальным сетям в Интернете, вдруг наткнулся на ее фотографию. Написал ей, Света ответила. Обрадовалась, кажется, что нашли друг друга. Письмо за письмом: я рассказывал ей о себе, а она – о себе. Написала Светка, в числе прочего, и о том, что недавно построили они с мужем виллу прямо на берегу моря и сдают в ней апартаменты туристам. Двухкомнатный номер с видом на морские просторы стоит восемьдесят евро в сутки. И вот тут-то и закралась мне в голову мысль: а не поехать ли туда с Ленкой, поплескаться в морских волнах, поездить по Хорватии. Моя одноклассница

приняла эту идею на «ура». Вскоре я заплатил ей аванс за проживание и купил билеты до Сплита.

И вот, представь, уже летим над Адриатикой, снижаемся и видим внизу маленькие домики на берегу, яхты и катера в море и чудные острова. Картинка просто завораживает!

Еще несколько минут, и мы приземлились на совсем маленьком аэродроме Сплита. На взлетно-посадочной полосе этих действительно очень небольших хорватских воздушных ворот практически непрерывно садятся и взлетают самолеты. Пока приземлялся наш аэрофлотовский рейс, на высадку пассажиров выруливал шведский лайнер и готовился к взлету немецкий. Не успели мы сесть – тут же за нами приземлился финский аэробус. Хорватия среди туристов с каждым годом становится все популярнее. Туристский сезон здесь длится с мая по октябрь, и отдохнуть на Адриатическом море за это время успевают несколько миллионов человек.

Все таможенные и паспортные формальности прошли быстро (для россиян на территорию Хорватии пока въезд безвизовый, неизвестно как дальше будет), и вот я уже вижу в толпе встречающих Свету. «Привет, Света!» – кричу я ей еще из зоны прилета. Она, увидев меня, улыбается и машет рукой. Через минуту мы уже обнимаемся и пристально смотрим друг на друга: сильно ли изменились за эти тридцать лет. «А я думала, что ты меня не узнаешь», – говорит моя одноклассница. «Да ты какой была в школе, такой и осталась», – вполне искренне отвечаю я.

Мы садимся в Светкину машину и направляемся в приморский поселок Сегет Враница, где, как я тебе уже говорил, имеет честь проживать семья Билота. Поселок находится в пяти минутах езды от аэропорта. Во дворе виллы нас встречает почетный караул: Мирко, с ним ты уже знаком, и бабушка Мария со своей любимицей – собачкой Белиной. Маленькая рыженькая псинка сначала настороженно облаяла нас, затем успокоенно отошла. С Белиной мы очень подружились, каждый день я приносил ей шкурки от пршута или еще какие-нибудь вкусности, и она их благосклонно принимала. Хотя баба Мария каждый день кормит свою любимую собаку (легенда семьи Билота гласит, что старушка чуть ли не принимала роды, когда появилась на свет Белина) сдобными пончиками, представляешь?

Было семь вечера, когда мы с Ленкой прилетели в Хорватию. Пока доехали до нашего пристанища, стало уже совсем смеркаться. Поэтому осмотр достопримечательностей отложили на потом. И все же Светка провела нас по центральной улице поселка и, пока накрывали стол в честь нашего приезда, повела на пляж. Небольшой пляж,

покрытый мелкой галькой, тоже находится на родовой земле Билота. От виллы до него – метров двадцать, не больше. Только дорогу перейти. Пляж окаймлен небольшими пальмочками. «Это я их сажала, – сказала Светка. – А вот заходить в море лучше здесь». И она показала нам светящуюся в лунном свете белую дорожку, уходящую в воду. Оказалось, что Светка специально отсыпала ее белым мелким гравием в самом удобном месте, чтобы отдыхающие могли спокойно заходить в море, не наступая на большие камни. Буквально горстями носила этот белый песок...

И вот, наконец, я нырнул в море, дружище! В теплое, ласковое, замечательное Адриатическое море! Жаркий южный вечер, волны, по которым пролегла лунная дорожка, огоньки на берегу... Рай! А в это время у нас в Петрозаводске уже зарядили осенние дожди...

Каждый день – в течение двух недель – я нежилась в волшебном Ядрани по нескольку часов кряду...

Потом нас позвали к столу. Была жареная рыба, был этот замечательный пршут, в который я влюбился с первого... как сказать-то... куса, что ли. Было еще что-то очень вкусное.

Пирог был, помню. Еще было домашнее сухое

вино – и красное (хорваты называют его «црвено» – черное), и белое, были и более крепкие традиционные хорватские напитки, ораховица та же... Мда... Застолье, доложу я тебе, друг мой, удалось...

Я еще дома решил, что каждое утро буду начинать с заплыва в море. Свое первое утро в Хорватии мне пришлось начать с пары рюмочек ракии, которые преподнес мне, поглядев на мой вид, сердобольный Мирко, а уж потом нырять в волны морские...

Вдоволь наплававшись, пошел осматривать поселение уже при свете дня. Сегет Враница – рыбацкий поселок. Здесь и живут как раз потомки тех младших сыновей семей хорватских земледельцев, которым давали земли у моря и они делались «рибарями». Но сейчас это скорее не рыбацкий, а курортный поселок.

Практически в каждом доме здесь есть помещения (апартаменты), что специально приготовлены для приема туристов. На берегу множество кафешек – их здесь называют «конобы». Откушивали мы с Леной в этих конобах, откушивали, готовят вкусно. Особенно морепродукты. Хорошо поесть на двоих с бутылочкой сухого вина (из всех хорватских вин, что мы покупали в конобах или в магазинах, мне больше всего понравилась «Грачевина», белое сухое вино) будет стоить примерно двадцать евро, может быть, чуть больше. Однажды заказали в конобе лобстера, запеченного на углях. Мне этот огромный рак понравился, Ленке не очень. Но вот за этот обед с лобстером мы тогда заплатили почти сто евро. Дороговаты, однако, ракообразные в Хорватии!

Впрочем, дешевле и вкуснее все-таки было отведывать местные деликатесы прямо на вилле «Мария», так называется Светкин дом, где мы поселились. Вилла «Мария» – это в честь бабы Марии, кстати.

Мы давали Мирко деньги, он покупал на рынке рыбу или мясо. По вечерам бабушка Мария на старинной «камине» – это такая печь, если ее можно так назвать, старинная хорватская – готовила всякие вкусности. «Камина» у них расположена в старом доме, который примыкает к новой вилле. О рыбе, приготовленной на углях, которой нас потчевали в первый вечер, и потом еще не раз, я тебе уже рассказывал. Сейчас пришло время вспомнить и о другом.

Света и Мирко

Где-то день на четвертый мы с Ленкой прекратили порочную практику ходить за вином в местное сельпо. Прекратили, потому как поняли, что у Мирко можно каждое утро покупать их домашнее вино – и белое, и «црвено» – по гораздо более выгодной цене и при этом гораздо более высокого качества. Ведь домашнее вино, дружище, всегда сделано с душой, поэтому оно более ароматное и вкусное. Ленке я покупал на день полтора литра белого вина, ей оно очень понравилось, а себе брал полтора литра «црвеного». Что? Не много ли? Настоящий хорват может выпить за день до трех литров сухого вина! И ни в одном глазу при этом не иметь! В чем секрет? А я тебе расскажу, дружище! Они – как и мы с Ленкой там, в Хорватии, делали – никогда не пьют чистое вино. Всегда разбавляют его минеральной водой. А минеральная хорватская вода, друг, это что-то! «Перье» и прочие хваленые марки минералок просто отдыхают по сравнению с хорватскими водами! Так вот, при той жаре, в которую мы попали (а там было каждый день не меньше тридцати градусов тепла), холодное сухое вино с холодной минералкой было как раз то, что нужно.

Хорваты, кстати, странные люди: они считают, что белое вино надо пить только летом, чтобы оно охлаждало организм, а красное – только зимой, чтобы оно согревало кровь в холода. Предрассудки, друже! Уверю тебя, что и «црвено» сухое холодное вино с водой так же замечательно спасало мой организм от перегрева, как и белое. Вот жаль, что не мог я привезти сюда хорватского вина, просто физически не мог: в двух наших больших чемоданах, когда мы возвращались в Россию, не было ни одного свободного квадратного сантиметра для него.

Давай выпьем ракии (ее-то я привез) за бабушку Марию, которая была и есть в Светкином с Мирко доме хранительницей очага и творительницей той самой пеки, о которой я тебе сейчас расскажу. Кстати, под пеку эта ракия пошла бы самым замечательным образом.

Итак, пека. Ты же знаешь, как я люблю всякие горячие мясные закуски. И в России, в разных ее уголках, и за границей перепробовал их немало.

Но пека... пека... Это отдельная история. Хорватская пека может готовиться из мяса, морепродуктов и даже из осьминога, который тоже водится в Адриатическом море. Перед нашим отъездом в Хорватию Светка, кстати, писала, что Мирко на рыбалке попался осьминог и они обязательно сохранят его и приготовят для нас. Но осьминога нам попробовать так и не пришлось. Но не жалею нисколько, потом как-нибудь попробу-

ем. Нам же приготовили настоящую традиционную хорватскую пеку из мяса.

Значит, так, берется три сорта мяса – свинина, ягненок и петух. Не удивляйся, дружище, петух. Не курица, не цыпленок, а именно петух! На огромную чугунную сковородку, политую от души оливковым маслом, – сковородка в это время греется на «камине» – укладываются картошка и другие овощи. Поверх них укладывается мясо трех сортов и все обильно сдабривается специями. Пока идет эта процедура, рядом на красных от жара углях раскаляется большая чугунная крышка. Этой крышкой и будет закрыта наша сковородка.

И вот крышка закрывает сковородку. Проходит еще минут двадцать. Все содержимое там, внутри, активно тушится и пропитывается мясным соком. Наступает торжественный момент. Светка кричит: «Сашка, быстрее иди сюда, сейчас будет сниматься крышка!» Я бегу. Захожу в полную дыма каморку, где находится «камина». Там-тарарам-бам-бам-трам-тарарам! Крышка снимается, и по окрестностям, может быть, до самого Трогира или даже до самого Сплита, разносится такой аромат, которого ты, дружище, не ощущал никогда! Кажется, что сейчас я просто захлебнусь слюной и не доживу до выноса чудесного блюда к столу. Мирко аккуратно берет горячую сковороду и несет ее в беседку у виллы, где обычно и происходят наши вечерние трапезы. Ставит на стол, где уже приготовлены тарелки.

Медленно, торжественно льется в стаканы вино, гости занимают свои места и получают по солидной порции пеки. И начинается праздник живота! Мясо просто тает во рту, но съесть все это за один раз не представляется возможным: пеки много и она очень сытная. Нам хватило ее на два дня...

Что говоришь? Переменим тему, есть захотел? Друг мой, не могу я тебе приготовить пеку сейчас, но могу сваритьпельменей, лежит пачка в холодильнике. Пойдет? Ну, давайпельменей поедим. Налить траварицы? Давай по глоточку, пока они варятся. Вот еще замечательного пршута нарежу, не откажешься? Помидорчиков еще, огурчиков настрогаю. О чем забыл рассказать? О том, как Светка жила после войны? Почему забыл? Не забыл совсем. Как раз время и пришло об этом поговорить.

А после войны жилось им трудно. Выжили только благодаря тому, что выращивали на своих землях. Да еще дочки подрастали, их надо было одевать и учить. У Светки от постоянных стрессов стало сдавать здоровье, заболело сердце. Но надо знать ее, чтобы понять: «Русские не сдаются!» – это не просто Светкин лозунг, для нее это стиль жизни.

Постепенно в Хорватию стали возвращаться ту-

ристы, и ее опыт гида был вновь востребован. Она даже стала членом ассоциации (если я правильно помню) гидов Хорватии, а это очень престижно. Открывались гостиницы, и Светку пригласили работать в отель «Ядран», это рядом с туркомплексом «Медена», о котором мы с тобой уже тут вспоминали. Сейчас она в этом отеле работает исполнительным директором. Но главное достижение в ее послевоенной жизни – это новая вилла. Та самая, в которой они с Мирко сейчас принимают туристов и где жили мы с Ленкой.

Вилла великолепная. Трехэтажное строение, выкрашенное в спокойный бежевый цвет. Проект дома Светка делала почти полностью сама, сама выбирала материалы для него и даже его цвет – тот самый, бежевый. Вилла разделена на две части. В одной живут Светка, Мирко, бабушка Мария, Михаэла и Кристина.

Михаэла – старшая дочка Светки и Мирко – та самая, для которой они с трудом вытребовали теплое молоко в гостинице «Ленинградская» в начале девяностых, уже студентка. Она учится в Морском университете, будет менеджером по управлению яхт-клубами, портами и прочими подобными объектами. «Она не любит Россию, – с сожалением говорит Светка. – А Кристина, наоборот, к русским и к России относится с большой симпатией». Кристина, младшая дочка, двенадцатого сентября пошла в последний класс гимназии. Почему двенадцатого, а не первого? Дружище, первого сентября у них там еще очень жарко, поэтому начало учебного года в Хорватии обычно немного сдвинуто, чтобы дети не умирали от жары в классах.

Обе дочки похожи на маму, чем Света очень гордится.

Вторая часть виллы – апартаменты для туристов. Сейчас здесь сдаются три номера, состоящие из большой комнаты со встроенной кухней и просторной спальней. В номерах есть, конечно, и душевая комната, туалет, кондиционер, телевизор и все остальное, что необходимо для комфортного отдыха. Мы с Ленкой жили на третьем этаже в апартаментах, название которым «Романтика». С нашего балкона открывался чудесный вид на море и острова.

Мирко и Света сейчас строят еще одни апартаменты на мансарде виллы. Это будет «королевский» номер, с большой комнатой-студией, несколькими спальнями и ванными комнатами. Я спрашивал у Мирко, когда в этих апартаментах можно будет принимать гостей. Он выразительно потер большой палец об указательный: «Как будет с деньгами, Саша, как будет с деньгами... Надемся, что скоро...»

Ну вот, познакомил я тебя со всеми обитателями виллы «Мария». Впрочем, как со всеми, нет еще! Упс! Смотри, у нас пельмени выкипают! Давай-ка пельмешек в тарелки кинем. Что, говоришь, к пельмешкам? Ракии? Не вижу повода не согласиться! Ну, за виллу «Мария»!

Так вот, не со всеми еще обитателями виллы «Мария» я тебя познакомил. Каждый день появляется там еще Венька – женщина, что помогает бабе Марии по хозяйству. Бабушка, горестно всплескивая руками, шептала мне: «Хорошая она, только выпить любит». Не видела старушка, как пьют иногда женщины на Руси...

Кто еще живет на вилле? Ну, про симпатичную собачку Белину я тебе уже рассказывал. Обитает там еще Харри. Это замечательный, красивый пес среднего собачьего роста с ногами породистого кобеля-далматинца и верхней частью туловища неизвестно от кого. Светка говорит, что у Харри с Белиной общая мама. Ну... тогда у них были очень разные папы. Ходит по двору и еще один классный персонаж – Чико. Это огромный яркий и очень гордый петух. Выступает он как генерал, а иначе и не может: на ногах Чико огромные шпоры. Ему бы с этими шпорами в петушиных боях участвовать, но у него более важная задача – следить за порядком во дворе. Что Чико и делает, торжественно вышагивая целый день от хозяйственных построек до виллы и обратно. Белина и Харри его уважают и немного побаиваются. Ну вот, теперь обо всех, кто живет в Светкином доме, ты знаешь.

Между виллой и пляжем расположено хорошо ухоженное картофельное поле. И я там даже сажал картошку. Да-да, в сентябре – когда у нас в Карелии картошку убирают – я там ее сажал.

Климат позволяет собирать в Хорватии два картофельных урожая в год. А почему сажал? Понимаешь, Светка на вилле «Мария» не просто принимает туристов, она еще предлагает им почувствовать вкус крестьянского труда. Называется это красиво: «агротуризм». То есть за свои деньги туристы имеют уникальный шанс стать на несколько часов работниками на имении. Им предлагается поучаствовать в сборе оливок и винограда, в изготовлении настоек, в перегонке ракии и, конечно, в посадке картошки. В своей жизни я этой картошки насажался и наубирался до одури, одни поездки в колхоз в университете чего стоят или проклятые дачные концлагерные дни вспомнить...

Но дернул же меня черт ответить на призывы наших хозяев и выйти на хорватское картофельное поле! Получил, друг мой, массу впечатлений! Сажают там картошку так: сначала прорывается борозда

(этим занимался Мирко при помощи какой-то адской машинки), потом второй человек, стоящий постоянно внаклонку (это был я, затем меня заменила баба Мария), буквально ввинчивает каждую картофелину в землю. Третий человек поливает посаженную картошку из шланга, а четвертый закапывает борозду. На жару, доложу я тебе, это труд еще тот. Меняхватило борозд на пять, после этого я, совершенно мокрый, пошел в тень и уже там сидел и ожидал конца процесса. В посадке участвовала также семья поляков, что жила в апартаментах на первом этаже. Эта семья из Кракова приезжает к Свете с Мирко уже несколько лет подряд, и глава семейства – Павел – уже стал близким другом главы семейства Билота. Помогали еще Кристина и Венька.

После трудов праведных Мирко сбегал на летнюю кухню и раздал каждому участнику картофелепосадочного шоу по холодной бутылке пива.

О! Я же тебе не рассказал еще про хорватское пиво! Пиво в Хорватии замечательное, легкое, вкусное, и выпить его можно сколько угодно. Самый популярный сорт хорватского пива «Карловачко». Его подают в любой конобе в розлив или в бутылках, как пожелаешь. Если же ты покупаешь его в магазине, то для русского потребителя «Карловачко» это не так просто.

Когда я покупал пиво в магазине первый раз, чуть с ума не сошел. Продавщица раз десять задавала мне вопрос: «Пить здесь будешь?» Недоуменно мотая головой, отвечал: «Какая разница?» Она опять: «Пить здесь будешь?» «Нет!» – почти кричал уже я, не понимая, что происходит. Она облегченно вздохнула, выбила мне чек, нацарапала что-то на нем и выдала мне две бутылки «Карловачко». Когда я уже выходил из лавки, крикнула следом: «Чек не теряй!» Вернулся домой и первым делом рассказал всю эту историю Мирко. Спросил: «Что это было?» Мирко, добродушно посмеиваясь в усы, объяснил мне, что у них тут особый порядок покупки пива. «Если ты покупаешь его в магазине и берешь с собой, то тебе стоимость пива выбивают вместе с бутылкой и пишут это на чеке. Когда ты выпьешь пиво и придешь за добавкой, то обязательно несешь с собой пустую тару. Тару кладешь в ящики у дверей, даешь продавщице старый чек. И теперь ты покупаешь пиво уже без стоимости тары. То есть чистый продукт. Если ты покупаешь пиво и тут же его выпиваешь, а бутылки, опять же, кладешь в специальный ящик у дверей магазина, то тебе сразу выбивают только пиво, без стоимости бутылки. Понял?» Такой вот древний забавный обычай у хорватских торговцев пивом.

Как я общался с хорватами? С Мирко мы говорили по-русски, он неплохо знает его. Длинные

монологи бабы Марии о Белине, родственниках, оливках, винограде и вообще о жизни (а она почему-то полюбила со мной разговаривать) я выслушивал на хорватском. И постепенно, не сразу, но улавливал суть того, что она мне говорит. Хорватский язык действительно очень интересный. Он одновременно похож на русский и не похож. Чтобы понять, о чем говорит хорват, надо включить воображение. Давай-ка, чтобы включить твоё воображение, выпьем еще сливовицы, и я тебя научу говорить по-хорватски.

Ну, поехали. Предупреждаю, включи воображение и логику. Включил? Тогда ответь, как могут переводиться на русский слова «улаз» и «излаз»? Думай-думай. Корень тут, как ты понимаешь, «лаз». Не знаешь? Все просто: «улаз» – это вход, то есть ты «влезает». Ага, догадался, что такое «излаз»? Конечно, «выход»! Поехали дальше. Какое же слово тебе дать перевести? А, вот! Что такое «позор»? Тоже нет вариантов? Ну, думай же, как мы говорили в детстве: «Во! Зырь, зырь, какая девчонка идет...» Нет вариантов? Эх, ты! «Позор» – это «внимание»! Фактически: «подними взор». Ага, вот еще. Что такое «брод» по-русски? Правильно, переправа через реку или другую водную преграду. А что такое «брод» по-хорватски? Собирай! Ну? Балда! «Брод» – это «корабль». Ты на нем тоже с берега на берег перебираешься! Ну, а что такое «понос» на их языке, тебе тогда в жизни не догадаться. Это «гордость»! То есть по-хорватски «Орел – птица поносная»! «Хвала» – это спасибо, «добар дан» – добрый день, «молим» – пожалуйста. А слово «всё» у них «све»! Ну, ладно-ладно, не напрягайся ты так. На этом и закончим урок хорватского...

Какая погода там была? Жара, брат! Погода, как объяснила нам Светка, для сентября нетипичная. Обычно здесь уже несколько прохладнее. Только один раз пролился дождик, на третий день нашего пребывания. Начался он с утренней грозы. Я как раз пошел купаться. Тучи еще только собирались над горами. И вот плаваю я, ныряю, фыркаю от удовольствия и тут... Разрозненные грозовые тучи в считанные секунды вдруг собрались в одну большую тучу, черную и какую-то страшноватую. И из этой тучи как долбанет молния прямо в море...

Дружище, я даже в детстве так быстро не плавал, как в то утро в Хорватии. Пробкой выскочил на берег, побежал к вилле. Во дворе стоял озабоченный Мирко. «Гроза начинается, ливень, наверное, будет», – говорю ему. «Дождь хорошо, дождь нужен. А то уже три месяца ни капли с неба не упало, земля сухая, – задумчиво отвечает он. – А гроза плохо!» И он рассказал мне, как в на-

чале двухтысячных во время такой же грозы молния ударила в оливковую рощу. Загорелись столетние оливы, которые кормили их в самые трудные годы. Это была настоящая беда. Трагедия. Жар был такой, что все сгорало даже под землей, и почва проваливалась под ногами. Рассказал, как всей семьей кинулись они спасать рощу, отскакивали от огня каждое деревце. Но большинство старых олив погибло... «Мы думали, что рощу уже не восстановить, – повествовал мне Мирко. – Но тут нам, наверное, Бог помог. Через пару лет казалось бы сгоревшие дотла корни наших олив дали молодые ростки. И сейчас у нас растут новые оливковые деревца».

Гроза, просверкав молниями, ушла куда-то в сторону Италии. И пошел дождь. Мирко радостно улыбался. И я вместе с ним...

Увидеть Трогир и... поймать Кайроса за чуб

В самый первый день пребывания в Хорватии Света обещала сводить нас на ночную дискотеку в Трогир. И вообще показать этот замечательный город...

Вот сейчас поймал себя на мысли, что постоянно говорю «Хорватия», «в Хорватии». Но если быть совсем точным, дружище, то мы прилетели в Далмацию, историческую область на северо-западе Балканского полуострова, что входит сейчас в состав Хорватии.

Далмация – это горы, леса, красивейшие реки, поля, морские заливы и острова в Адриатике. Далмация, скажу я тебе, одно из самых красивых мест на земле.

В древние времена эту территорию населяли иллирийские племена – скотоводы и кочевники. Бродили здесь и фракийцы с кельтами. В четвертом веке до нашей эры сюда добрались греки и основали свои колонии. Затем Далмацию захватили римляне. В шестом веке нашей эры Далмация переходит под власть Византии и одновременно сюда приходят жить хорваты. В двенадцатом веке эти земли переходят под власть Венгрии, в четырнадцатом – под власть Венеции. В шестнадцатом веке часть Далмации захватывает Османская империя. В восемнадцатом веке Далмация передана Австрии и вскоре становится частью Австро-Венгрии. Ну, а современную историю этой земли я тебе уже рассказывал...

К чему это я сейчас? Да потому что Трогир как раз и был основан греками-колонистами в третьем веке до нашей эры (тогда город назывался Трагурион) и все исторические катаклизмы, что

происходили с Далмацией, так или иначе отражались на его истории.

Трогиром правили римские военачальники, венецианские дожи, хорватские короли, сарацины, католические епископы, итальянские фашисты... Даже было время, после падения Римской империи – в пятом веке – когда Трогир был самостоятельным городом...

Так вот, греки – когда основали этот город – приволокли в него со своей родины каменный барельеф, изображающий голого парня с большим чубом, лысым затылком и крылышками на ногах.

Этот парень – не кто иной, как бог счастливого случая Кайрос. Считалось, что этот Кайрос очень быстро бегают – отсюда и крылышки на ногах. Но тот, кому удастся ухватить его за чуб, получит полную чашу удачи и счастья. Но чаще люди, встречая бога, не успевали ухватить его за чуб и хватили только за затылок, а это удачи не давало. Именно поэтому задняя часть головы у греческого летучего пацана и была лысой...

И с тех пор Кайрос считается покровителем города. Правда, покровителем не единственным. Позже у него появились еще покровители.

Так вот представь, барельеф Кайроса, тот самый, что был доставлен сюда древними греками, до сих пор находится в Трогире, в монастыре Святого Николая, что расположен в центре старого города. Языческий бог нашел приют под покровительством христианского святого. В монастыре Святого Николая, основанном в тринадцатом веке, сейчас живут восемь монахинь. Шесть из них никогда не покидают пределы обители, а двум разрешено выходить, чтобы принести своим сестрам во Христе еду, а то ведь помрут они, если будут питаться только пищей духовной да смотреть на Кайроса...

Изображения бога удачи можно купить в Трогире везде. В любой ювелирной лавочке, коих здесь немало, можно подобрать себе кулончик с Кайросом из золота, серебра, даже выточенный из коралла.

На груди Мирко тоже висит золотой Кайрос. Когда-то этот Кайрос принадлежал Свете. Мирко же этот кулон ей и подарил. И вот однажды ей дома стало плохо с сердцем. А дома никого не было, и муж должен был вернуться нескоро. Но Мирко по какому-то наитию в этот день очень спешил к жене. Он успел вовремя, Светку еще можно было спасти. Вызвал «скорую», и доктора буквально вытащили ее с того света. И тогда Светка вернула Мирко золотого Кайроса в знак благодарности и счастливого случая, что привел мужа домой пораньше...

Давай-ка за Мирко выпьем. Хороший он мужик, поверь мне! Зря, что ли, наша Светка за него замуж вышла...

Так я все же про Трогир сейчас...

Мы с Ленкой ездили туда три раза. Знаешь, есть города, по которым просто побродить уже огромное счастье. Трогир – один из таких городов. В старом городе – только здания постройки начиная с одиннадцатого века и кончая семнадцатым, представляешь? Что-то новое здесь строить запрещено – Трогир находится под охраной ЮНЕСКО, и эта организация строго следит за сохранением исторического облика.

В старый Трогир мы вошли через центральный вход. Он называется Северные ворота. Северные ворота украшены статуей святого Ивана Урсини, следующего, после Кайроса, покровителя города. Уже христианского покровителя. Ворота проделаны в старинной городской стене, фрагменты которой замечательно сохранились до наших дней.

Мы ступили на мощенные камнем улочки, и эти булыжные мостовые выводили нас то к одному дворцу, то к другому, к монастырям, церквам, древним домам. Знаешь, дружище, Трогир просто пропитан ароматом истории, и это не высокие слова. Сохранившийся в первозданном виде средневековый город дарит удивительные ощущения, поверь мне.

Правда, не все дома там сейчас в идеальном состоянии. Видели мы родовое гнездо национального героя Хорватии Петра Бериславича, который в 1475 году родился в Трогире, как раз в том доме, у которого мы стояли.

Дом построен в четырнадцатом веке. Петр Бериславич, военачальник и епископ, представитель одной из древних и знатных хорватских семей, правитель Хорватии, долго и успешно воевал с турецкими захватчиками. За свои боевые подвиги даже получил награду – саблю из рук самого Папы Римского. Погиб в сражении с османами в 1520 году. О его славной жизни свидетельствует мемориальная доска на стене бывшего владения Бериславичей. Сейчас этот дом, мягко говоря, в плачевном состоянии. Принадлежит он частным лицам, как, впрочем, и многие другие дома в старом городе. У муниципалитета Трогира нет средств, чтобы выкупить его, привести в порядок и сделать там музей. А городским властям этого очень хочется. Но эта история с домом Бериславичей скорее исключение из правил, чем правило. В основном дома здесь ухоженные, за ними следят и делают все, чтобы они ласкали взор многочисленных туристов.

А вот еще один забавный казус, связанный с частной собственностью на недвижимость в Трогире. В центре города стоит замечательный дворец пятнадцатого века, который построили здесь князья Чипико – представители одной из самых знатных семей, что здесь проживали. Естественно, при власти

югославских коммунистов дворец этот стал общественной собственностью. После развала социалистической Югославии потомки князей Чипико доказали свое право на владение этой недвижимостью и вступили в права наследования. Сами потомки княжеского рода живут сейчас в Италии и в Хорватию возвращаться не намерены. Но этот дворец они успешно сдают в аренду. На первом этаже, где когда-то располагались княжеские конюшни и помещения для слуг, сейчас устроены кафе, ресторанчики, сувенирные магазины и антикварные лавки. Выше расположились городская музыкальная школа и всякие учреждения. Еще выше – квартиры трогирцев. Что-то подсказывает мне, что семейство Чипико в деньгах не нуждается...

Когда бродишь по узким улочкам старого города, то тут, то там натыкаешься на кафе, где торгуют хорватским мороженым. Мороженое по-хорватски – ну, напруги воображение и логику – как может называться? Оно называется «сладолёд»! За шарик этого замечательного лакомства надо заплатить пять-шесть кун, примерно тридцать пять рублей. Но это, поверь, того стоит. Ты же знаешь, что я не большой поклонник сладостей, а хорватское мороженое ел просто одну порцию за другой! Есть мороженое с орешками, есть просто сливочное, есть с кофейным ароматом, с ароматом трав...

Итак, побродив по узким средневековым улочкам, мы выходим на кафедральную площадь. Площадь имени Иоанна Павла Второго. Этот Римский Папа в Хорватии вообще очень популярен. Он был в стране, молился вместе с местными прихожанами, и жители Хорватии это помнят и ценят.

Понятное дело – на кафедральной площади стоит кафедральный собор. Собор носит имя еще одного покровителя Трогира – святого Ловро. По мнению местных католиков, святой Ловро, он носил титул епископа, был замечательный человек, защищал христиан от римлян, за что и был этими римлянами убит.

Собор начал строиться в тринадцатом веке, а был закончен уже в шестнадцатом. Чудесного в этом храме много, но самое главное чудо – это главный вход. Его парадные ворота украшены изумительной красоты каменной резьбой, которую сотворил в 1240 году хорватский мастер Радован. Резьба, на самом деле, уникальная. Если бы я не трогал этот портал собственными руками, подумал бы, что все это сделано из дерева! Удивительные фантастические растения с вырезанными до мельчайших подробностей листиками и ягодами. Фигурки святых, Адама и Евы, простых людей – землепашцев, скотоводов, плотников, кузнецов – выписаны по камню с великим искусством и вели-

кой любовью. А каковы каменные львы, вырезанные Радованом, дружище! Их надо видеть!

Внутри собор тоже впечатляет. И его своды, и его убранство, и гробница самого Ловро, в честь которого собор и был освящен. И ризница, где хранятся мощи и Ловро, и святого Ивана Урсини, того самого, чья статуя стоит у ворот старого Трогира. Он тоже чем-то там помог горожанам в древности. Но я обалдел еще и от кресел, что стоят у алтаря. Сделанные из вишневого дерева с инкрустацией других древесных ценных пород, они просто великолепны. Эти кресла сделаны для представителей знатных семейств, что проживали в этом городе в средние века. И до сих пор потомки тех семейств могут занять свои места, когда в соборе идет месса. Но как-то не спешат они это делать. Разъехались потомки аристократов трогирских по миру, понятно, кто жив остался...

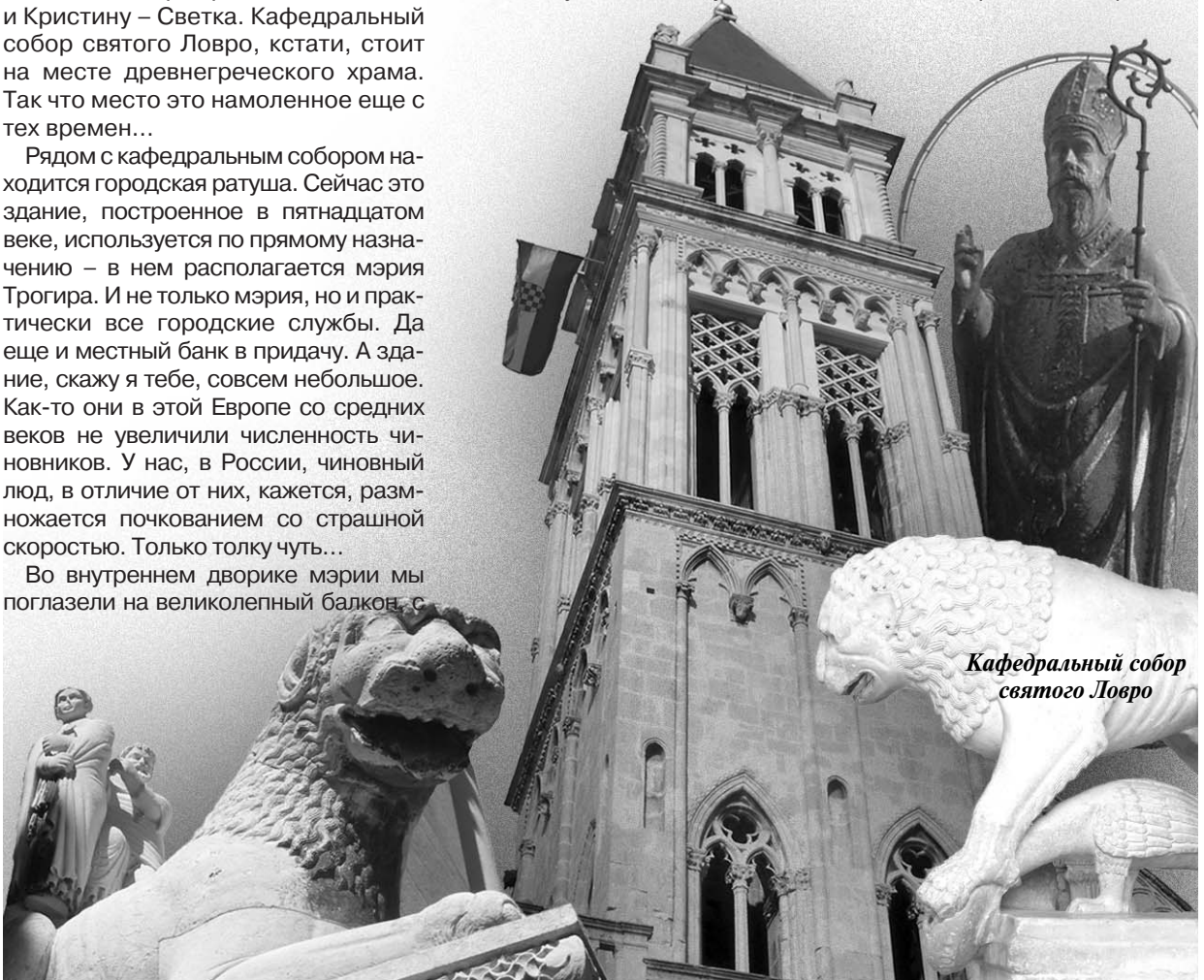
В этом соборе крестила своих детей – Михаэлу и Кристину – Светка. Кафедральный собор святого Ловро, кстати, стоит на месте древнегреческого храма. Так что место это намоленное еще с тех времен...

Рядом с кафедральным собором находится городская ратуша. Сейчас это здание, построенное в пятнадцатом веке, используется по прямому назначению – в нем располагается мэрия Трогира. И не только мэрия, но и практически все городские службы. Да еще и местный банк в придачу. А здание, скажу я тебе, совсем небольшое. Как-то они в этой Европе со средних веков не увеличили численность чиновников. У нас, в России, чиновный люд, в отличие от них, кажется, размножается почкованием со страшной скоростью. Только толку чуть...

Во внутреннем дворе мэрии мы поглазели на великолепный балкон, с

которого спускалась Светка после своего бракосочетания с Мирко. Кстати, еще об одном трогирском балконе. На одной из улочек старого Трогира есть так называемый «балкон Джульетты». Оказывается, во времена Шекспира не только в итальянской Капуе происходили события, подобные тем, что описаны легендарным драматургом в его самой известной, наверное, в мире драме. Нечто подобное – и вражда семей, и любовь до гроба – происходило, по преданиям, и в Трогире. И местная Джульетта выходила на балкон по ночам послать воздушный поцелуй местному Ромео. Мы этот балкон видели, а Ленка даже на нем сфотографировалась...

Во дворике трогирской ратуши в древние стены вделаны гербы всех знатных трогирских семейств. Светка рассказала нам, что при коммунистах был приказ убрать со старых домов все признаки того, что в них проживали аристократы. И тогда умные люди, чтобы сохранить историчес-

Кафедральный собор святого Ловро

кие (и архитектурные, между прочим) реликвии, придумали этот хитрый выход – вмонтировать сбитые родовые знаки в стены местного исполкома. Типа, для украшения. Тем самым исторические ценности города были сохранены.

Мимо церквей и колоколен мы выбираемся на набережную Трогира. Любая морская набережная в Хорватии называется «Рива». У трогирской Ривы во время туристического сезона каждый день швартуются роскошные яхты под флагами всего мира. Богатые люди оценили отдых на морских берегах Хорватии и тянутся сюда прямо-таки косяками. Мы проходили мимо яхт, стоящих на якоре у набережной, и наблюдали жизнь буржуев на отдыхе: они сидели на корме и, поглядывая на берег, не спеша пили вино. Экипажи в это время скучали у трапа или сидели в близлежащих кафе.

Рива приводит нас к городской крепости Камерленго. Когда-то она защищала город с моря и служила наблюдательным пунктом. Построена крепость была в пятнадцатом веке, но и сегодня выглядит как новенькая. На башне крепости развевается государственный флаг Хорватии. Внутри нее есть огромное помещение, которое сейчас используется как концертный зал.

Вообще, в Трогире на протяжении всего туристического сезона идет один огромный фестиваль. Он так и называется: «Трогирский летний фестиваль искусств». В рамках этого культурного мероприятия проводятся различные концерты и конкурсы. В самое первое посещение города мы попали на выступление какой-то трогирской вокальной группы, второй раз – на местный кулинарный поединок, на котором люди со всей Хорватии прямо на набережной готовили какое-то ну... очень хорватское блюдо из рыбы и лягушек и угощали им всех желающих. Впервые в жизни, дружище, я попробовал лягушачьи лапки. Знаешь, не впечатлился...

Вернемся же мы на кафедральную площадь. Я обещал рассказать тебе о ночной дискотеке, что проходит в Трогире все лето три дня в неделю. Поздним вечером на площадь выносят множество столиков, между которыми снуют расторопные официанты. Столики постепенно заполняются, клиенты заказывают вино, «Карловачко» или коктейли. Друже, если тебе придется побывать в Трогире на этой дискотеке – закажи «Мохито», не пожалей! Местные бармены делают его замечательно. Хотя Ленке больше понравился коктейль «Секс на пляже». Коктейли здесь подают с большими толстыми и длинными – полметра, наверное – соломинками в стаканах. Зачем? Черт его знает. Наверное, чтобы веселее было. Кстати, здесь же на площади можно увидеть бармен-шоу. Парни за стойкой такое с бутыл-

ками проделывают – подкидывают их и жонглируют ими – я аж рот раскрыл от удивления!

А в это время у стен собора появляются два музыканта. Они расставляют аппаратуру и подключают колонки. Один берет в руки гитару, другой садится за клавиши. И на площади Иоанна Павла Второго звучит музыка. Начинают музыканты с хитов шестидесятых годов, потом переходят к известным мелодиям семидесятых, затем восьмидесятых, девяностых...

После полуночи этот дуэт начинает наигрывать и напевать современную европейскую попсу. Парни эти – хорошие знакомые Светы. Один из них – профессиональный музыкант. В составе какой-то югославской рок-группы в свое время объездил весь Советский Союз, о чем до сих пор вспоминает с удовольствием. Второй – преподаватель в местном техническом колледже, и музыка – его хобби. Играют и поют они действительно великолепно. Ты бы видел, как танцевали мы с Ленкой под «Отель «Калифорния» в их исполнении!

У Светки внезапно возникла идея породнить Трогир с нашим Петрозаводском. Она решила сделать меня послом доброй воли и даже договорилась о встрече с трогирским мэром – достопочтенным Дамиром Рилье.

Было даже подготовлено соответствующее письмо от господина Рилье нашему петрозаводскому мэру. Но встреча не состоялась. Почему? Дело в том, что я Светкину идею сначала воспринял с восторгом и уже видел себя в роли какого-нибудь почетного консула Трогира при нашей мэрии. Но потом я сел и хорошенько подумал. Понятное дело, Трогир может нам предложить много. А мы Трогир? У них бережно сохраняемые чистенькие старинные улочки, у нас – грязные, с проваливающимся асфальтом дороги. Они нам будут показывать свои храмы и дворцы, а мы им – уродливые коробки торговых центров, набитые китайскими шмотками. Они нас пригласят на свой летний фестиваль, а мы будем тщательно скрывать от них положение в наших донельзя оптимизированных театрах и скромно молчать о скандалах по этому поводу в актерских коллективах. Можно, конечно, сводить делегацию Трогира в Музыкальный театр, но не будут же они постоянно слушать оперы и смотреть немногочисленные балеты. Да-да, есть одно сходство между Трогиром и Петрозаводском: Онежская набережная у нас и Рива у них. Вот только с яхтами проблема. У них – великолепно оборудованные стоянки и шикарные яхт-клубы, у нас вместо яхт-клуба сараюшки на берегу да пеньки над водой...

Короче, дружище, отказался я от встречи с мэром и от почетного звания посла доброй воли Трогира.

Сказал Светке, что нет у меня подходящей одежды для визита в ратушу. Думаю, что правильно сделал. Тем более, что Трогир сейчас хочет наладить побратимские связи с Санкт-Петербургом. Вот Питеру есть что предложить хорватам. Пусть лучше два года-музея подружатся...

В гости к Диоклетиану

Быть в Далмации и не съездить в Сплит – это неправильно. Сплит – центр Далмации, ее сердце, можно сказать. Самый крупный город этой исторической области. Сейчас в нем проживает более двухсот двадцати тысяч человек. А основан он был тысяча семьсот лет назад...

Подожди, мы все пельмени съели? Давай-ка я сейчас картошечки в мундирах поставлю вариться. А потом ее поедим с оливковым маслом и пршутом. Вкусно будет, язык проглотишь! Оливковое масло мы с Ленкой тоже оттуда привезли. Оно сделано как раз из плодов той самой оливковой рощи в горах, на которой проливалось пот не одно поколение предков Мирко, да и Светкиных трудов в нее вложено немало.

Еще налью вот ораховицы, и давай выпьем за римского императора Диоклетиана и за его замечательную капусту! Почему за него? Сейчас объясню! Ну, за императора!

Значит, так. В 245 году 22 декабря в римской колонии Салона (ее развалины до сих пор можно увидеть в пригороде Сплита) в семье вольноотпущенника, то есть бывшего раба, родился мальчуган. Любящие родители назвали его Диоклом. Мальчишка рос крепким и смышленным. С молодых ногтей мечтал о воинской службе. И мечта его сбылась.

Юношей поступил он в римскую армию простым солдатом. Вскоре его заметили, и он стал быстро делать военную карьеру. Участвуя в военных походах во всех уголках Римской империи, уроженец Далмации узнавал жизнь этого огромного государства, знакомился с тем, как устроено его управление.

Диокла, уже командира легиона, судьба и воля начальства занесли как-то в Галлию. Там однажды от нечего делать и устав от незамысловатых солдатских развлечений – игры в кости, вина и посещения борделей – он отправился к предсказательнице-друидке узнать свою дальнейшую судьбу.

Предсказательница, съев пару специальных грибочков для более четкого и объемного (видимо, в 3D) видения будущего, сказала Диоклу следующее: «Быть тебе императором всея Римской империи, если ты сейчас пойдешь и убьешь кабана...» Коман-

дир римского легиона плюнул со злости в предсказательницу, поскольку даже и думать не мог, что когда-нибудь станет править миллионами подданных. Но кабана все же завалил. Так, на всякий случай.

Вскоре его назначили наместником одной из провинций Рима. А еще позже тогдашний римский император Кар взял его на войну с персами в качестве командира личной гвардии. Во время этого похода Кар внезапно умирает, а между его прямыми преемниками начинается драка за власть, которая заканчивается смертью сына Кара – Нумериана – которого отравил собственный тесть Аррий Апри.

Римским легионерам такая бодяга во властных структурах надоела, они заковали коварного Апри в кандалы и затем умертвили злодея. А императором провозгласили Диокла, который, приняв императорский титул, немного удлинил себе имя и стал называться Диоклетианом. Произошло это 20 ноября 284 года. Нетрудно подсчитать, что новому императору тогда исполнилось 38 лет...

За время своего правления Диоклетиан укрепил империю, провел реформу государственного управления, как сейчас бы сказали, «выстроил четкую вертикаль власти». При нем развивались провинции и модернизировалась армия. В результате его деятельности Римская империя получила возможность еще многие годы успешно править завоеванными народами и присоединять новые земли.

Правда, не любил император христиан, считая эту новую религию угрозой для государства. И не так далек от истины был, ведь именно при правителях-христианах развалился Великий Рим. При Диоклетиане христиан всячески притесняли, ловили и обращали в рабство, убивали, травили дикими зверями на аренах амфитеатров. Не пощадил император даже собственных жену и дочь, которые тоже оказались приверженцами учения Иисуса Христа. Ну... каждый правит как умеет, тем более что результаты правления сына бывшего раба были налицо. Кстати, период правления Диоклетиана современники и даже некоторые нынешние историки часто называют «Золотым веком» Римской империи.

Диоклетиан был мудрый человек и понимал, что его человеческих сил править империей до самой смерти не хватит. Поэтому в какой-то момент приходит императору мысль построить на своей малой Родине, в Далмации, дворец, где можно будет провести остаток дней. Сказано – сделано! Дворец, огромный и красивый, на берегу Адриатического моря в Сплите был возведен. На территории дворца Диоклетиан приказал построить мавзолей для себя и великолепный храм Юпитера. Была возведена очень красивая внутриворцовая площадь и замечательный вестибюль – огромный

круглый зал с куполом наверху. Из этого вестибюля гости императора проходили в его личные покои. Весь дворец занимал площадь около трех гектаров и был обнесен мощными стенами высотой в двадцать метров с пятнадцатью башнями. До наших дней из пятнадцати башен сохранилось лишь три. Но остатки стен дворца до сих пор весьма грозно смотрятся в центре Сплита.

Идея покинуть трон окончательно созрела у Диоклетиана в 305 году. 1 мая 305 года он торжественно объявил об этом своим подданным и отправился в Сплит доживать оставшиеся годы. Жил он здесь один – изменниц-христианок жены и дочери с ним уже не было – и увлекся разведением капусты. Однажды к Диоклетиану в Сплит приехали его соратники – история сохранила их имена – Максимиан и Галерий. Они стали жаловаться отставному правителю, что после его ухода дела в империи пошатнулись. «Вернись, батюшка, на царство», – умоляли они Диоклетиана. «Да вы что, парни, – отвечал им высокопоставленный пенсионер. – Я тут такую капусту выращиваю, любо-дорого посмотреть! На местных рынках влет разбирают! А вы: «На ца-а-арство...» И отказал приятелям.

Восемь лет прожил в своем сплитском дворце Диоклетиан. Точно знают, когда он умер – 3 декабря 313 года. Но до сих пор не знают от чего. Одни говорят, что его преемник – император Константин, который был христианином – приказал отравить легендарного императора из мести за гонения на последователей учения Христа. Другие пишут, что Диоклетиан в последние годы стал сам часто задумываться о том, что как-то неправильно обошелся с представителями новой религии. И от этих дум он впал в депрессию, перестал кушать, отчего, собственно, и скончался. Третьи, самые разумные, как мне кажется, утверждают, что Диоклетиан умер просто от старости и болезней. Не такой, думаю я, Диоклетиан был человек, чтобы сожалеть о содеянном. Просто годы лишений в военных походах и стрессы, что он испытывал, когда управлял Римской империей, не прошли даром...

Вот такой рассказ про императора и его капусту, дружище...

Мы приехали в Сплит во второй половине дня, когда жара уже немного спала. Поэтому не особенно страдали и не обливались потом, пока бродили по бывшим владениям римского императора. Одна из сохранившихся стен дворца Диоклетиана выходит на сплитскую Риву, набережную. Отсюда мы и вошли в него. Первый этаж практически полностью сохранился с римских времен – арки, кирпичная кладка, древний во-

допровод, все осталось, все можно посмотреть. Второй этаж, где были личные покои Диоклетиана, сохранился гораздо хуже – потомки постарались. Но место, где он устраивал оргии – ничего страшного в этом слове нет – обычные посиделки римской знати с выпивкой и закусками, а также с невинными шалостями с участием прекрасных рабынь – сохранилось. Как сохранился и вестибюль, о котором я тебе рассказывал. Меньше повезло мавзолею Диоклетиана. В раннем Средневековье мавзолеей был перестроен в христианский собор. Основание этого собора как раз и есть постройка римского времени, собственно сам мавзолеей. Остались от усыпальницы порталы и колонны. А вот все, что выше, – это уже творение средневековых зодчих, в том числе и величественная колокольня. Собор на месте мавзолея освящен в честь святого Дуэ. Этот Дуэ был епископом в Сплите во времена Диоклетиана и был по его приказу замучен до смерти. Теперь его мощи покоятся там, где покоились останки заказчика убийства священнослужителя. Чего только в жизни не бывает!

Но собор посетить стоит. Красивое внутреннее убранство, саркофаг святого Дуэ, опять же каменная резьба и великолепное распятие, сделанное из дерева в четырнадцатом веке. На эти реликвии надо посмотреть обязательно.

Храм Юпитера тоже сохранился. Правда, ревностные католики превратили его в баптистерий – крестильню по-нашему, по-православному. Вместо статуи грозного римского бога войны в помещении старого храма стоит медная скульптура Иоанна Крестителя. На средневековой каменной купели вырезаны изображения первых хорватских королей...

Сохранилась и внутриворцовая площадь – перистиль – которую когда-то римляне использовали для торжественных церемоний. Сейчас на этой площади проходит известный далеко за пределами Хорватии ежегодный театральный фестиваль «Сплитское лето».

Мы прошли по всей территории дворца Диоклетиана и через «Жидовский пролаз» вышли на противоположную морю сторону дворцового комплекса, к стене, в которой римлянами был проделан парадный вход в жилище отставного императора – Золотые ворота. Ну, правильно ты перевел: «пролаз» – это «проход» по-нашему.

В Средние века, как ты знаешь, католики не очень дружелюбно относились к евреям. И представители гонимого племени вынуждены были проходить в центр Сплита по специально проложенному для них пути – «Жидовскому пролазу». Согласен с тобой, дискриминация, еще какая дискриминация!

Прошли через Золотые ворота и оказались у памятника Гргуру Нинскому, епископу, жившему в Сплите в десятом веке. Святой человек изображен суровым стариком, держащим в одной руке книгу, а указующий перст второй руки грозно указывает на небо, словно напоминает грешникам о карах божьих.

Личность самого Гргура Нинского и история его памятника одинаково интересны. Епископ жил в Хорватии в десятом веке и прославился тем, что отстаивал перед Ватиканом право вести службы в храмах на хорватском языке и ратовал за то, чтобы священные книги переводились с латыни на хорватский. Епископ Гргур страстно боролся за сохранение хорватской культуры и хорватского языка. За это его любило и уважало местное население и ненавидели представители папского двора.

В 1926 году, в память о его борьбе за сохранение культурного наследия хорватов, епископу Нинскому в Сплите был поставлен памятник у Золотых ворот Диоклетианова дворца. И никто на этот монумент не покушался, пока в город во время Второй мировой войны не вошли итальянские войска. Дело в том, что Гитлер разрешил своим союзникам взять Далмацию себе.

Хорваты, что поддерживали гитлеровцев, сначала радовались. Но недолго. Как говорится, за что они боролись, на то и напоролись. Новые хозяева этой земли начали активно проводить политику «итальянизации» южных славян, запрещали издавать книги на хорватском языке, закрывали хорватские школы, а население, что противилось этому, жестоко преследовали.

Понятно, что оккупанты не могли оставить в покое памятник человеку, который десять веков назад боролся против того, что они сейчас насаждали. И итальянские фашисты объявили, что снесут его. Накануне того дня, когда должен был свершиться акт вандализма, ночью югославские партизаны прямо под носом у фашистов разобрали памятник, вывезли его из города и спрятали. Представляю, как негодовали итальянцы! Кстати, в партизанских отрядах в этих местах воевали представители почти всех народов Югославии, в том числе, плечом к плечу, хорваты и сербы...

После победы над фашизмом и изгнания итальянцев и немцев из Далмации Гргур Нинский вернулся на свое место в Сплите, где пребывает и до сих пор. Большой палец его левой ноги натерт до блеска. Почему? Знаешь, существует примета: если потереть палец епископа и загадать желание, то это желание обязательно сбудется. Вот и трут его усиленно и местные, и многочисленные туристы. И мы с Ленкой тоже потерли. Как без этого...

Прямо у памятника Гргуру Нинскому – старинный красивый парк. Днем там гуляют старички и старушки, мамы с малышами, а вечером, как рассказала нам экскурсовод Лена, собираются «девочки и мальчики легкого поведения». Короче, проститутки и эти... пра-а-а-ативные... проституты. Собираются и ждут состоятельных господ туристов, чтобы исполнить все их затаенные сексуальные желания и прихоти. Ну что сказать... Современный город, туристический центр... Как же тут без злачных мест.

После прогулки по Сплиту мы с Ленкой сидели в кафе, ели удивительно вкусную пищу, пили «Карловачко» и глазели на группки парней, девушек и взрослых мужиков с шарфиками футбольных болельщиков на шеях. Через два часа на стадионе Сплита должна была начаться игра между местным «Хайдуком» и загребским «Динамо». Матч между двумя сильнейшими клубами в хорватском чемпионате вызвал здесь такой же интерес, как если бы в России сошлись на поле московский «Спартак» и питерский «Зенит». Дерби, одним словом.

Фанаты вели себя, в отличие от своих российских собратьев, вполне мирно. Не шумели, не кричали речевки, а просто попивали пиво и весело смеялись. Я потом спросил у Мирко, всегда ли местные футбольные болельщики у них так мирно настроены. Он покачал головой: «Нет, Саша, они любят тоже пошуметь. Но до столкновений с полицией дело не доходит...» В этот вечер лидеры чемпионата Хорватии по футболу разошлись друг с другом мирно. Счет игры: два-два.

Вообще, дружище, как я потом узнал, в Хорватии низок уровень преступности. Почти не совершается тяжких преступлений, да и нетяжких тоже мало. Однажды утром я пошел купаться на наш пляж, снял свои часы, положил их на камень и нырнул. Нанырлся вдоволь и пошел домой. Только к вечеру заметил, что хожу без часов. Побежал на берег и увидел часы там, где их и оставил, – на камне. А часы, между прочим, неплохие. Они пролежали там целый день, и никто их не прикарманил, представляешь?

Почему нет преступности? Возможно, одна из причин, что в Хорватии почти нет иммигрантов. Я не видел на улицах Трогира и Сплита ни одного араба, вьетнамца, африканца, не видел цыган. В магазинах и кафе работают хорваты, убирают улицы – и очень чисто убирают – хорваты. Грузчики, водители, строители – хорваты! За две недели пребывания в Хорватии мы видели лишь одну попрошайку – старенькую бабулю-хорватку на костылях. Если Хорватия вступит в Евросоюз – хлебнет полной ложкой проблем, связанных с иммиграцией, законной и незаконной. Простые люди это понимают, а хорватское правительство, видимо, делает вид, что не будет этого.

Но правительству надо сейчас рассчитывать по кредитам, что оно набрало в Евросоюзе, поэтому, видимо, оно и делает вид, что вступление страны в Европейское сообщество – благо. Ай, да что я об этом рассуждаю, это их дело, верно, дружище?

У нас вот тут картошечка сварилась. Сейчас масла оливкового достану, и будет на столе мировой закусок. Окорок там еще есть на тарелке? Вот и отлично. Давай-ка сливовицы с тобой по рюмочке за славный хорватский народ. Пусть ему будет хорошо и счастливо жить!

Что? Скупают ли наши богатеи недвижимость в Хорватии? Ну, пока не в таких масштабах, как в Италии, Греции, Франции или на Майами, но тоже потихоньку приобретают.

Светка рассказала мне замечательную историю, как шла однажды по городу Дубровнику простая русская баба, жена хорватская.

Шла и напевала себе что-то по-русски. И подходит к ней мужик, тоже русский. И говорит: «А скажи-ка, землячка, где тут можно жилье прикупить, попрестижнее и подороже? Может, подскажешь?» Русская баба, не будь дура, и отвечает: «Надо подумать, мил-человек, надо подумать. Давай-ка встретимся через часик на этом самом месте, и я тебе все как на духу расскажу». Богатый русский странник согласился, а женщина не мешкая побежала в ближайшее агентство недвижимости, где нашла апартаменты на продажу – дорогущие, но о-о-о-очень роскошные. Через час они встретились, баба сводила его в эти апартаменты, они ему понравились. Потом новые знакомые сразу пошли в агентство, где пришелец из России не торгуясь заплатил запрашиваемую цену, выдал своей помощнице комиссионные и откланялся. А простая русская баба сорвала еще комиссионные с торговцев недвижимостью и в одночасье оказалась обладательницей состояния в триста тысяч евро! «Вот почему я не оказалась на пути этого мужика? Почему?!» – шутиливо огорчается Света, покачивая головой...

Давай, что ли, стоя выпьем за простых русских баб, которые не теряются в чужих землях ни при каких обстоятельствах!

На волнах морских, на горе и под горой

Далмация, надо сказать тебе, дружище, вытянута вдоль Адриатического моря на протяжении почти четырехсот километров. А в самом море частью Далмации считается аж тысяча островов! Далеко не все они обитаемы, на многих просто нельзя жить. Но, рассказывают, когда идешь на яхте мимо них – видишь необыкновенную красоту. И мне захотелось своими глазами это увидеть.

Попасть на яхту было несложно. Буквально в ста метрах от виллы «Мария» каждый день появлялся парень в белых шортах и футболке с большой надписью «ITALIA» на груди. Он стоял и тихо ждал, когда обратят внимание на небольшой скромный стенд, стоящий у обочины рядом с ним. На стенде – расписание экскурсий и цены на них. Мы обратили внимание и на стенд, и на него.

Поинтересовались, не может ли он нам предложить прогулку по морю. Парень чуть из шортов не выпрыгнул от радости, что появились клиенты, и тут же предложил нам круиз по островам на следующий же день. Мы согласились, заплатили задаток и распрощались, довольные друг другом.

На следующее утро я вышел к этому симпатичному продавцу счастья один. Лена предпочла морской прогулке сон. Мы не спеша дошли до пристани, где уже собралась разноязыкая группа людей, готовых взойти на борт нашего ковчега.

Но ковчега видно не было. Мы успели попить кофе, вдоволь насмотреться на ближайший к берегу маленький островок, прежде чем яхта причалила. Это был вполне комфортабельный белоснежный кораблик с закрытой нижней пассажирской палубой и открытой верхней. Я, конечно же, сразу забрался наверх, поближе к солнцу, ветру и морским брызгам.

Для того чтобы гостям яхты было веселее созерцать окрестности, на обеих палубах были выставлены специальные столы с отверстиями. В этих отверстиях покачивались графины с вином и ракией. «Све за вас!» – крикнул улыбчивый матрос, показывая на угощение. Что? Неужели перевел? И что он сказал? Друг, правильно: «Все для вас!» Да ты делаешь несомненные успехи в хорватском языке!

К столу с напитками я подошел одновременно с высоким загорелым пожилым мужчиной. Лицо его было украшено седой ухоженной бородкой. Вежливо улыбнувшись, я пропустил его вперед: «Пожалуйста!» Он тоже улыбнулся и спросил: «Русский?» – «Русский. А вы...» – «Я поляк, – ответил мужчина. – Меня Яцек зовут». «Саша, – тоже представился я. – А вы хорошо по-русски говорите!» – «Ну, еще бы, – рассмеялся Яцек. – Было время – чуть ли не каждую неделю к вам в Ленинград ходил». «Пешком?!» – я чуть не поперхнулся вином. – «Зачем пешком, – Яцек забавно покрутил головой. – На корабле ходил. Я моряк, понимаешь? Штурманом был».

Старый польский моряк рассказал мне замечательную историю о том, как сам напросился в команду корабля, совершающего регулярные рейсы на Ленинград, потому как в Ленинграде в университете училась невеста Яцека, его землячка.

Когда он приезжал к ней, парочка всегда долго гу-

ляла по нашей Северной столице, ходила в музеи. И в рестораны, не без этого. Для того чтобы развлекать любимую, польскому штурману нужны были деньги. И Яцек в каждый рейс привозил в СССР, как он говорит, «немножко запрещенных товаров».

Впрочем, не он один это делал, почти все польские моряки промышляли в ту пору контрабандой. «Мальборо», «Винстон», «Кэмел», жевательная резинка, джинсы, пластинки, губная помада», – сладко щурясь от воспоминаний, перечислял Яцек. – Саша, у вас же тогда ничего такого не было! Денег, что я выручал от продажи всего этого, хватало и на мою коханую, и на строительство кооперативной квартиры в Щецине, и на развлечения». И он тут же познакомил меня с симпатичной пожилой женщиной, которая и оказалась его «коханой» – любимой женой, с которой они вместе уже больше тридцати лет. «Слушай, Яцек, – спрашиваю я у своего нового приятеля. – А правда, что поляки очень не любят русских?» Он пожевал губами. «Многие не любят, да... – И, немного помолчав, добавил: – Глупые люди. Я вот русских очень люблю и жена тоже. Хотя... согласись, Саша, многих из вас есть за что не любить...» Я согласился...

Не знаю уж, чем я так понравился Яцеку (а может быть, он просто решил попрактиковаться в русском языке), но на протяжении всего нашего путешествия по островам он не отходил от меня. И, представь, каково же было мое удивление, когда я встретил его во время наших с Леной блужданий по Сплиту. Старый штурман кинулся ко мне как к родному с возгласом: «Саша, Саша!» Мы обнялись, посмотрели друг на друга, поулыбались и разбежались в разные стороны – он к своей коханой, а я – к своей...

Яхта подошла к большому острову. На острове очень уютно расположилось небольшое селение. Аккуратные белые домики, крытые красной черепицей, у причалов катера, небольшие теплоходы и лодки. Как мне объяснили, в этой деревеньке никогда не было автомобилей, они здесь просто не нужны – ездить некуда. Зато каждый из немногочисленных местных жителей имеет лодку, катер или яхту. Здесь такие средства передвижения нужнее. Есть здесь маленькие гостинички, кафе, ресторанички. Остров утопает в цветах. Они везде на местной Риве, на домах, на заборах и даже на крышах. Есть небольшие пляжи, где можно искупаться. Короче, все для туристов. Вот интересно, а что жители островка делают зимой, когда сезон заканчивается? В деревне становится пусто, холодно и ветрено. Не хотел бы я оказаться зимой на этом острове...

Погуляв по чудесному острову, землю которого никогда не оскверняли шины автомобилей, грузимся на борт нашей яхты и следуем дальше.

Острова, мимо которых плывем, действительно очень красивы. Все хватаются за фотоаппараты и начинают без устали щелкать ими. Мимо нас то и дело величаво проходят парусники различных конструкций и шныряют быстроходные лодки. Рядом со мной у борта встал еще один пассажир, забавный плотный дядечка с седым венчиком волос на голове. Он смотрел на море как-то по-особенному ласково, как на любимого ребенка. Никогда не видел, чтобы так смотрели на море. Наконец он оторвался от созерцания водной глади и обратил внимание на меня.

– Очень красиво! Люблю море, – сказал он по-русски с каким-то странным акцентом.

– А как вы узнали, что я русский?

– Слышал, как вы разговаривали с этим мужчиной в красной футболке.

– Это Яцек, он из Польши.

– А я из Чехии. Из Праги. Учился в Москве, давно, правда. Я – инженер. Сейчас уже на пенсии. Так вот. Меня зовут Йозеф.

– Отдыхаете здесь?

– Я вот уже десять лет приезжаю сюда каждую осень. – Он посмотрел куда-то в сторону. – Нет, я не отдыхать сюда езжу, хотя здесь очень красиво. У меня тяжело болен брат... смертельно болен. А здесь, в Хорватии, в горах растут травы... как это правильно называется?..

– Целебные травы?

– Да, целебные. Лекарственные, вот как правильно. Я договорился с одной местной бабушкой, она их для меня собирает и сушит, а я приезжаю и покупаю.

– Помогают травы?

– Да, кажется, помогают. – Йозеф грустно улыбнулся. – Пока он живет. – Чех опять помолчал. – Люблю смотреть на море. Каждый год вот так, как сейчас, выезжаю на эти прогулки. В этот год и сына с собой в Хорватию взял.

Мужчина махнул рукой, и к нему подошел высокий парень лет тридцати.

– Это мой сын.

Сын пожал мне руку и вопросительно глянул на отца. Тот опять махнул рукой, отпуская его...

Надо тебе сказать, дружище, что в Далмации на самом деле произрастает множество целебных трав, которые очень ценятся специалистами. Но самая знаменитая из всех хорватских трав – лаванда. Ее настой, масло и просто лаванда в сушеном виде помогают от множества хворей. Говорят, что именно в хорватской лаванде содержится полезных веществ намного больше, чем, скажем, в лаванде французской или какой другой.

Пока мы беседовали с Йозефом, яхта подошла

еще к одному острову и причалила. На этом острове, друг, нас ждали длинные столы, уставленные тарелками с жареной на углях рыбой, зеленью, огромными ломтями свежего хлеба и вином. Отпробовать такой еды после прогулки по морю хотелось ужасно, что мы все, находящиеся на яхте, и сделали. Стоит ли говорить о том, что мы сидели за одним столом с Яцеком и его женой и с Йозефом...

После обеда у нас было время вдоволь закупаться. Если бы ты видел, как я нырял с верхней палубы нашей яхты! Вспомнил детство, называется...

У причала в Сегет Враница меня встречал жизнерадостный продавец путевок в итальянской футболке. Он сунул мне в руку бутылку «Карловачко», посадил в машину и домчал до самых ворот нашей виллы...

Давай выпьем за Адриатическое море! У тебя картошка еще осталась? Ну, под картошечку по рюмке ракии за Ядран! За это море стоит выпить!

Еще были мы с Ленкой в горах. Что там забыли? Забыли мы, друг, там историю. И нашли ее в замечательной крепости Клис.

«Ой! – сдавленно шептала Ленка, когда мы ехали по горному серпантину. – Ой! Какая высота! Не могу вниз смотреть!» Шоссе действительно одной обочинной упиралось в подножие очередной горы, а другая обочина заканчивалась крутым высоким обрывом. Мы только что проехали поворот на Сплит, и автобус едет все выше и выше.

Светка говорила нам: «Слушайте, это замечательно, что вы попадете в Клис, туда в последнее время редко водят экскурсии, а на крепость посмотреть надо обязательно!» И вот мы сидим в автобусе, я успокаивающе глажу Лену по руке, а сам удивляюсь, как можно по этой узкой дорожке ехать с такой скоростью, с какой едет наш водитель.

Я не боюсь езды по серпантину, поэтому с удовольствием гляжу по сторонам. Мимо проплывают небольшие деревни, навстречу попадают неспешно идущие по каким-то своим делам мужчины, держащие в поводу осликов. Кстати, ослы считаются символом Далмации наряду со всем известной породой собак – далматинцев. Дело в том, что у крестьян, живших в этих местах много лет назад, не было другого способа доставлять товары, продовольствие, строительные материалы в горы, кроме как на спинах этих животных. Смирные трудолюбивые ослики неспешно поднимали на огромную высоту все необходимое людям. Поднимали они в горы грузы, наверное, еще в те незапамятные времена, когда здесь владычествовали римляне. Именно римляне построили (точнее, начали строить) крепость Клис. Они назвали укрепление, что возвели против беспо-

коящих римские колонии на Адриатике иллирийских, аварских и славских племен, «Клеиса».

Римляне начали строить свою крепость в стратегически важном месте: на пути из внутренних балканских земель на побережье. Это была единственная дорога в те времена, по которой можно было попасть к морю. И сохраняла эта крепость свою стратегическую важность вплоть до наших дней, до конца Второй мировой войны.

В девятом веке крепость Клис уже принадлежит хорватам. В тринадцатом веке Хорватию пытаются завоевать войска Батыя. Они подошли к Клису и начали осаду крепости.

В Клисе в это время был сам хорватский король Бета Четвертый с беременной женой. Королеве хорватской пришлось рожать прямо там, под улюлюканье монгольских орд. Несмотря на такую более чем некомфортную обстановку, жена Беты Четвертого произвела на свет вполне здорового и симпатичного ребенка, девочку. Принцессу назвали Маргитой, и в историю она вошла как Маргита Клис.

Меж тем монголы, просидев под крепостью довольно долгое время и истощив свои силы осадой, умудрились обойти ее и вышли на побережье. Попытались взять штурмом Сплит – не получилось, попытались войти в Трогир – опять облом.

Посидели, погоревали монголы, омочили свои сапоги в Адриатическом море и ушли восвояси. Адриатика стала последним морем, которое смогли увидеть войска Батыя. Могущество Золотой Орды постепенно слабело, ее сил и средств не хватало не только на новые завоевательные походы, но и на удержание в повиновении уже оккупированных земель. Вскоре Орда и совсем скисла, а ханы, сидя у своих юрт, тяжело вздыхали, вспоминая о былом могуществе...

Когда я стоял на крепостных стенах, представлял, как по крутому, почти отвесному длинному склону горы, визжа, подбирались к Клису монгольские воины. И как сбрасывали врагов с этой кручи воины хорватские.

Спустя триста лет крепость Клис вновь становится тяжелым препятствием на пути других завоевателей – турков. Османы пытались взять твердыню и с ходу, и осадными.

Двадцать пять лет сидел со своим небольшим гарнизоном в крепости герцог-капитан Петар Крузич, еще один национальный хорватский герой. Двадцать пять лет турки суетливо бегали под Клисом со своими ятаганами и осадными лестницами, но ничего сделать не могли. И только когда герцог-капитан Крузич умер, а это произошло 12 марта 1537 года, войска Османской империи

вошли в крепость. В апреле 1596 года хорваты эту крепость отбили. Турки к тому времени ослабились и потеряли бдительность. Они спокойно попивали кофий, когда на них неожиданно напали и прогнали из Клиса. Однако османы быстро опомнились и через месяц вернули крепость под свое начало. И сидели там еще пятьдесят два года. 31 мая 1648 года венецианская армия генерала Фосколо, которую поддерживало многочисленное хорватское ополчение, десять дней вела, без преувеличения, кровавый – погибли тысячи венецианских солдат и хорватов – бой за Клис и победила. Венецианцы владели крепостью сто пятьдесят лет.

На территории Клиса есть небольшое старинное круглое здание, покрытое черепицей. Когда крепостью владели хорваты, это здание было христианской церковью. Когда в Клисе заседали турки – церковь превращалась в мечеть. Мы зашли в это здание. Тихо, прохладно, с икон грустно смотрят лики святых, словно не надеются, что они здесь уже навсегда...

После Венеции крепость принадлежала Австрии, потом там несли службу наполеоновские солдаты. Потом в Клис вновь пришли австрийцы. В последний раз Клис использовалась как действующая цитадель во время войны с гитлеровцами. С апреля сорок первого года по октябрь сорок четвертого в крепости был расположен гарнизон германо-итальянских войск. Оборонялись они до тех пор, пока их не вышибли оттуда части югославской народной армии.

Вот, дружище, какую историю мы нашли в очень красивой горной крепости Клис...

Давай-ка по траварице еще пропустим за мужество хорватских солдат всех поколений. Вот так, теперь закуси и послушай о наших с Ленкой подземных приключениях.

Сползая в пещеру Враньяча нам тоже очень советовала Света. Хотя, честно тебе признаюсь, не люблю я эти пещеры, ущелья всякие и прочие естественные укрытия. Но внял совету одноклассницы, и мы с Леной поехали к горе Мосор, у подножия которой и находится эта знаменитая пещера.

Ответь мне, дружище, на один вопрос. Ты в детстве смог сделать какое-нибудь значительное открытие? В какой области? Да в любой. Нет? Ну, тогда тебе не ровняться со Стипе Пунда.

В 1903 году Стипе Пунда было двенадцать лет. Он, как почти все деревенские мальчишки того времени, очень любил гонять голубей. На землях семьи Пунда было много укромных местечек, где могли прятаться эти птицы. Одним из таких мест была расщелина на горе Мосор. За расщелиной –

небольшая пещера. Однажды мальчик решил пройти немного дальше в эту пещеру. Он прошел туда и увидел огромный подземный зал. В слабом свете его керосинового фонаря засверкали на стенах этого зала мелкие искорки от кварцевых вкраплений. Еще увидел маленький Стипе огромные каменные колонны – сталагматы. Эти сталагматы были украшены причудливыми барельефами, что создала на их поверхности природа. Так, в начале двадцатого века была открыта пещера Враньяча. И открыл ее двенадцатилетний мальчуган.

Много тысячелетий назад в этой пещере протекала подземная река. Потом в этих местах, как предполагают ученые-геологи, произошло землетрясение, и вода ушла из пещеры на еще большую глубину. Подземное русло обнажилось и явило миру какую-то невероятную красоту. Из множества горных пород природа создала целые скульптуры, огромные монументы, которые окрашены в фантастические, неземные цвета. Глубина пещеры составляет шестьдесят пять метров, общая длина каналов и залов – триста шестьдесят метров. Во Враньяче всегда, и зимой и летом, постоянная температура: плюс пятнадцать градусов. Воздух ее, говорят, целебный, и там очень легко дышится астматикам.

Благоустройство и обслуживание пещеры стало настоящим семейным делом семьи Пунда. Взрослевший уже Стипе первым начал благоустраивать Враньячу. Он сделал ступеньки при входе и в каждом тоннеле, в каждом зале. Провел в пещеру электричество и сделал освещение. Кстати, первая лампочка, что установил там Стипе Пунда, до сих пор стоит в одном из залов и работает, представляешь? Сейчас пещера, конечно же, оборудована современными прожекторами, там даже установлена светомузыка.

На обустройство пещеры Враньяча у семейства Пунда ушло двадцать шесть лет. В 1929 году ее открыли для туристов, и первую экскурсию провел, конечно же, первооткрыватель уникального природного памятника Стипе Пунда.

А экскурсию по пещере уже для нас провел внук отважного охотника за голубями Марко Пунда. Он не меньше деда увлечен делом сохранения красоты подземной природы. Ну, и кроме этого, паломничество жаждущих увидеть этот нерукотворный дворец в недрах горы Мосор приносит потомкам Стипе неплохую прибыль.

Что говоришь? Тост за смелого мальчугана Стипе Пунда? Полностью поддерживаю. Ну, за Стипе Пунда, за его открытие, за его потомков и продолжателей его дела!

Через горы и реку Крка на Плитвицкие озера

Засиделись мы с тобой, дружище. Говоришь, не поздно еще? Время детское? Тогда расскажу я тебе напоследок о самом красивом месте на земле. По крайней мере, многие так считают. И я с некоторыми пор тоже.

От побережья Ядрана до Плитвиц ехать далеко. Четыре часа на автобусе через горы на север Хорватии. «Тяжело вам будет, – сочувствовала мне и Лене Света. – Может быть, не поедете?» Но знаешь, я еще до отпуска столько прочел об этом уникальном месте, посмотрелся фотографий, что не увидеть озера воочию было бы преступлением. Поэтому сомнений никаких не было – надо ехать...

Рано утром мы поджидали автобус недалеко от отеля «Ядран», где директорствует Света. Наконец он появился из-за поворота, двери открылись, и послышался голос: «А кто же ш тут у нас такие красивые стоят? Вы из Украины или русские?»

Обладательница голоса, симпатичная полная женщина, приглашающе махнула рукой: «Давайте сидайте, ребята! О, да вы, я вижу, совсем уже хорваты стали! – И она кивнула на лихо заломленную на моей голове бейсболку с хорватским гербом и традиционными красными хорватскими шашечками на белом поле. – Давно у нас гостите?» – «Порядочно, – ответил я, плюхаясь на сиденье. – А вы, наверное, из Украины?» – «Как узнал?» – «По акценту». – «Ах, я же ш недогадливая!» – рассмеялась женщина.

Нашего разговорчивого гида звали Ярослава, она приехала в Хорватию из Западной Украины, как и Света, выйдя замуж за уроженца этих мест. За время поездки на озера я узнал про нее, кажется, все. И что муж у нее очень хороший, ждет с каждой экскурсии с горячим ужином, и что водить экскурсии на Плитвицу ей очень нравится, а эта, сегодняшняя, в нынешнем сезоне у нее последняя. И что к туристам надо относиться как к родным детям – с большой долей доброты и с такой же долей строгости. «А то разбегутся, как тараканы», – пояснила Ярослава. Оптимизм и радость прямо-таки били из нее.

Рядом с Ярославой тихонько сидела маленькая сухонькая старушка со смешной панамкой на голове. То, что к этой старушке нашему gidу придется проявить все родительские чувства, никто пока в автобусе не думал...

Какое-то время мы ехали по горному серпантину, по совсем узкой дороге, забираясь все дальше в горы. Мелькнула далеко внизу панорама Сплита. «Высоко! – опять застонала Ленка. – Не могу туда смотреть!» В это время послышался успокаивающий голос Ярославы: «Еще немного, друзья, и мы с вами

выедем на автобан, скоростную трассу, которая пронизывает всю Хорватию и связывает ее с остальной Европой. Двигаясь по автобану, мы пересечем горный хребет и окажемся в центральной части страны. Мы поедем по очень красивым местам, но, конечно же, настоящая красота нас ждет в конце пути – на Плитвицких озерах!»

Где-то через полчаса мы действительно выскочили на суперсовременную скоростную автотрассу. Она построена совсем недавно, даже еще не совсем построена. Сдается большими участками, которые сооружаются по мере того, как Хорватия получает очередной кредит от Евросоюза. Автобан платный, деньги, собранные с водителей, как раз и идут на погашение кредитов. Но ехать по нему – одно удовольствие! На пути трассы пробито множество тоннелей в горах. Самый длинный тоннель – тоннель Святого Рока – его протяженность шесть километров.

Кто такой Святой Рок? Как гласит легенда, этот человек пришел в Хорватию откуда-то из Франции. Когда в этих местах вспыхнула чума (а она пришла сюда в шестнадцатом веке), Рок помогал страждущим, молился за них. Его молитвы и помощь в лечении больных, как верят местные жители, заставили страшную болезнь отступить. В честь Святого Рока в Хорватии в старые времена возводились церкви и часовни. А когда построили тоннель, увековечили имя сердобольного француза в этом инженерном сооружении.

Вынырнув из тоннеля, мы оказываемся уже в Центральной Хорватии. Здесь значительно прохладнее, чем на морском побережье.

Проезжаем мимо старинного хорватского города Задар, который значительно пострадал во время сербо-хорватской войны, как и все эти территории. Но известен Задар в мире тем, что в местном монастыре еще в семнадцатом веке монашки изобрели мараскино. О! Где-то у меня осталась бутылочка этого чудесного напитка. А, вот она! Давай-ка я тебе налью его попробовать. Ну как? Божественно, да?

Этот ликер делается из вишен, но, смотри, он абсолютно прозрачный! Все дело в рецепте, что изобрели божьи служанки. Значит, для изготовления мараскино берется особый сорт вишни – мараскиновой вишни, которая измельчается вместе с косточкой. То, что косточка измельчается вместе с ягодой, как раз и придает этому напитку легкий аромат горького миндаля. Настойка из мараскиновой вишни выдерживается не менее трех лет, а затем проходит специальную фильтрацию. Вот как раз после этой фильтрации мараскино и становится прозрачным. И получается замечательный напиток крепостью в тридцать два градуса.

В промышленных масштабах мараскино стали производить в Задаре в 1821 году. Через восемь лет владелец завода, где делали уже хорошо известный в мире ликер, итальянец Джироламо Луксардо оформил патент на монопольное производство мараскино. И производили его там, в Задаре, монопольно до сороковых годов прошлого века.

После Второй мировой войны потомки Луксардо быстренько убрались из Югославии на свою историческую родину и открыли в Падуе новый завод по производству мараскино. А завод в Задаре достался новым югославским властям и продолжил свою работу. И до сих пор продолжает. Теперь в мире выпускаются два ликера мараскино. В Италии «Luxardo Maraschino», а в Хорватии – «Original Maraschino from Zadar».

Ну что, еще по чуть-чуть мараскино? Не откажешься? Еще бы отказался от такой вкуснятины! А я продолжу все же про наше путешествие к Плитвицким озерам.

На пути к ним мы остановились еще у одного замечательного места: там, где река Крка впадает в Адриатическое море. Крка – одна из самых красивых рек Хорватии, ее длина 73 километра. Она берет свое начало на самой высокой горе страны – Динаре. В начале своего пути Крка – это бурный горный поток, в конце – как раз там, где мы ее лицезрели – река уже спокойно несет свои воды в Адриатику. Ее русло на подходе к морю проходит по глубокому ущелью, с края которого открывается такой вид, что дух захватывает!

Недалеко от места впадения Крки в Ядран расположен большой яхт-клуб, он был нам отлично виден. Заведение явно не для бедных людей. С одного конца ущелья на другой перекинут высокий арочный мост, тоже очень красивый. Этот мост, как бают местные жители, как-то стал непреодолимым препятствием для яхты Абрамовича. Наш легендарный олигарх, хозяин Чукотки и «Челси», говорят в Хорватии, вообще открыл эту страну для российских, и не только российских, богачей. И ввел моду отдыхать в здешних водах на яхтах. А что, не Куршевель, чай, с его крикливыми вечеринками. Тихо, спокойно, красиво и... подешевле все же. Настоящие-то олигархи они, поди, копеечку-то считают.

Так вот, приплыл Роман Аркадьевич, глаголют местные-то, на своем корабле в Хорватию, и вошел его корабль в Крку. Дошел до этого самого моста через реку, высокого, арочного, о котором я тебе только что рассказывал, и встал.

Хотел, видимо, Абрамович на нем проплыть до того самого яхт-клуба по другую сторону моста, но не сумел – мост маловат оказался. Точнее, низковат. Не смогла яхта нашего финансового гения под ним

пройти. Гадали тогда любопытствующие, случайно оказавшиеся в тот момент здесь хорваты: а вдруг прикажет этот странный русский разломать к едрене фене их мосток и тут же построит повыше, чтобы ничего не мешало его лодочке плыть к месту отдыха. Но не стал так радикально решать проблему Абрамович. Вызвал из яхт-клуба судно помельче, а свой авианосец оставил на море.

Такие-то вот легенды ходят о Романе Аркадьевиче в Хорватии...

Давай же выпьем за то, чтобы яхта Абрамовича под любым мостом проходила!

От места противостояния яхты Абрамовича и местного моста до Плитвицких озер осталось уже немного.

Вдоль дороги, по которой мы ехали на озера от Крки, стоят заброшенные дома. Рядом с домами заросшие поля. «Это последствия войны, – объяснила нам Ярослава. – В этих местах шли жестокие бои, и жители бежали отсюда, захватив только скот и самое необходимое. А после войны далеко не все вернулось в родные места. А кто-то погиб...»

Совсем рядом с Плитвицкими озерами есть большое поле, на котором стоят две «тридцатьчетверки». На башнях танков – герб Хорватии. «Здесь проходили последние сражения с сербами. Фактически, после того как они ушли отсюда, война и закончилась, – говорит наш гид. – Но, как у вас принято говорить, «эхо войны» здесь еще звучит очень часто. Окрестности здесь были заминированы, и минные поля до сих пор не убраны окончательно. Поэтому на полях и в предгорьях часто слышатся взрывы, гибнут и люди, и животные. Кстати, в районе самих Плитвицких озер тоже шли бои и там тоже еще остались мины». Видя легкое беспокойство в автобусе, Ярослава успокаивает: «Тот маршрут, по которому пойдем мы с вами, многократно проверен, поэтому волноваться не надо. Но лучше в сторону от проложенных по парку дорожек не отходить. И дело не только в минах, в парке можно легко заблудиться, и быстро найти вас будет затруднительно. А еще у озер обитают медведи и волки».

Вот с такими добрыми напутствиями мы и прибыли к воротам Национального парка «Плитвицкие озера».

Эта уникальная территория стала Национальным парком в 1949 году. Через тридцать лет Плитвицкие озера были включены в реестр ЮНЕСКО «Всемирное наследие».

Своим названием озера обязаны хорватскому католическому священнику из маленького селения Оточац Доминику Вукасовичу. Именно он, богобоязненный и ученый муж, впервые в 1777

году описал эти замечательные места и дал им название: Плитвицкие озера.

Собственно, самих озер в этой местности шестнадцать крупных и чуть меньше маленьких. Все они расположены сверху вниз каскадами и соединяются между собой с помощью ста сорока водопадов. И число водопадов ежегодно растёт. Дело в том, что вода с верхних озер ищет себе новые пути вниз и находит их, размывая известняковый слой местных гор и покрывая известняком упавшие в воду растения. Эти окаменевшие листья и стволы деревьев и образуют новые водопады. Перепад высот между самым верхним и самым нижним озером составляет сто тридцать три метра.

Кроме медведей и волков на Плитвицких озерах в древних хвойных и буковых лесах обитают лисы, барсуки, дикие кошки, косули, олени. А над ними беззаботно порхают и весело щебечут сто двадцать видов птиц. На территории парка разведано двадцать пещер, часть которых расположена под водопадами.

Надо ли тебе говорить, дорогой друг, что эти места давно облюбовали для себя кинематографисты и большинство фильмов о жизни индейцев европейского производства снято именно здесь.

«Мы с вами пройдем маршрутом, длина которого составляет шесть километров, – говорит нам Ярослав. – Если вы будете внимательно следить за указателями, то никогда не заблудитесь. Посмотрим почти все озера и самые красивые водопады. На нашем пути будут располагаться несколько пещер, в них вы тоже можете зайти, но долго там не задерживайтесь. Два самых крупных озера мы пересечем на электрокораблях. Почему эти корабли на электрической тяге? Ну как же, чтобы не загрязнять местный чистый воздух!»

И мы пошли! Пошли по специальным деревянным дорожкам, которые время от времени сменялись каменными тропинками и лестницами. Любовались нереально голубой и прозрачной водой озер, в которой можно было видеть свободно парящих на глубине рыб, радугами над водопадами и безумно красивыми пейзажами. Идти было легко, так как нет на Плитвицких озерах приморской адриатической жары. Кстати, все озера здесь зимой замерзают, а снег в Национальном парке лежит с ноября по март. Поэтому туристический сезон на Плитвицах заканчивается в конце сентября.

Кстати, туристов сюда стали пускать лишь в 1958 году. До этого парк был закрыт для посетителей, здесь работали только ученые. И сейчас на территории парка запрещена любая деятельность. Здесь нельзя ничего строить, нельзя устраивать пикники, разводить костры и даже ловить рыбу! Кроме ко-

раблей, что перевозят туристов через озера, в парке есть железная мини-дорога на электрической тяге, по которой могут прокатиться туристы. И все! Но большинство посетителей предпочитают пешеходные прогулки по берегам озер.

Вот шли мы так и шли мимо озер и водопадов и пришли к месту первого привала. На большой поляне стоят кафе, сувенирный магазин и небольшая пристань, куда прибывают кораблики, перевозящие туристов на другой берег озера.

И вот тут-то, дружище, мы заметили потерю в наших рядах. Пока мы добирались до переправы, неизвестно куда исчезла та самая тихая старушка в белой панамке, которая в автобусе сидела рядом с Ярославой.

Сначала часть группы бегала по всей поляне в поисках потеряшки, потом добровольцы кинулись назад по маршруту искать старушку, но все было тщетно. Ее нигде не было! Нам на ум стали приходить самые страшные предположения. Мы вспомнили слова гида о минах, медведях и волках. Кто-то подумал вслух о том, что несчастная пожилая туристка сейчас лежит со сломанной ногой в каком-нибудь местном ущелье.

Ярослава сидела на телефоне, созваниваясь со своим директором, и пыталась спросить, что ей делать – вести дальше группу по маршруту или искать пропавшую бабулю. Директор посоветовал ей связаться с парковой полицией (есть и такая, она поддерживает порядок на Плитвицких озерах и ищет потерявшихся людей) и привлечь ее к поискам. Пока мы стояли в полной растерянности у причала и пропустили вперед на корабли другие группы, Ярослава рассказала мне историю ее знакомства с этой бабушкой.

«Представляешь, она приехала к нам несколько дней назад. Купила в Москве индивидуальный тур по Хорватии и прилетела, – говорила мне она. – Я ее встречала в аэропорту. Она вышла, крепко пожалала мне руку. «Путынь. Елизавета Путынь, – представилась старушка. – Я приехала посмотреть, как вы тут живете». «Ничего живем, – не зная что сказать, ответила я. – К вашим услугам». Елизавета Путынь услуг моих не отвергла. Наоборот, настояла, чтобы я устроила ее на все экскурсии по Хорватии – Сплит, Загреб, Дубровник, Трогир, Плитвица и далее по списку. Специально обговорила, чтобы я каждый вечер встречалась с ней в отеле и обсуждала программу на следующий день. Я пыталась ей посоветовать не ездить на большие тяжелые экскурсии и больше лежать на пляже. Но куда там! «Я хочу посмотреть все самое интересное у вас», – заявила мне старушка. И точка! Да куда же она могла подеваться?! При-

дется точно полицию подключать», – нервно заключила Ярослава свой рассказ.

Когда напряжение уже достигло апогея – прошло полтора часа, а бабули все не было – и наш гид уже начала поиски местных полисменов, вдали у полянки появилась знакомая фигурка российской пенсионерки Елизаветы Путынь.

Она спокойно прошла сквозь строй негодующих взглядов и приблизилась к Ярославе, чтобы объяснить. Оказывается, эта непогода сошла с маршрута и пошла по совершенно другой тропинке. Ей пришлось прошагать лишних четыре километра, но внешне она была совершенно спокойной и не усталой. А когда оказалось, что Елизавете недавно стукнуло восемьдесят три года, наше возмущение совершенно улеглось, освободив место даже уважению какому-то. «Во бабка дает! – удивленно pokrutil головой стоящий рядом со мной паренек из Москвы. – Мне бы таким быть в ее годы!»

Больше Ярослава не отпускала Елизавету от себя ни на шаг. Мы спокойно переправились через озеро, прошли еще пару километров, любуясь красотами Плитвиц, и подошли к одной небольшой пристани. Отсюда мы должны были поплыть к конечной точке маршрута.

Переплыли озеро, прошли еще примерно с километр и оказались у нашего автобуса. Путешествие по Плитвицам закончилось, но не закончились наши приключения. Как только мы погрузились в салон, выяснилось, что двигатель нашего «Вольво» вышел из строя – там оборвалась трубка подачи топлива – и мы не можем двигаться обратно.

Водитель наш как был в белоснежной рубашке, так и нырнул в недра мотора. Тут же, естественно,

нашлись советчики – водители, профессионалы и любители – из числа путешествующих в нашей группе. Два часа они вели захватывающую дискуссию о перспективах нашего дальнейшего движения на этом транспортном средстве в сторону дома.

В конце концов усталый водитель кое-как прикрутил лопнувшую трубку, и мы поползли в ближайшее к Плитвицам селение на ужин. Пока мы перекусывали, водитель съездил в автомастерскую, где с автобусом что-то сделали такое, что он мог довольно быстро трусить по автобану. Где-то уже на подъезде к Сплиту на трассе нас ждал другой автобус, близнец первого. Мы переселились в него, водитель, бросив сломанный агрегат, которым тут же занялись приехавшие ремонтники, сел его руль, и мы, уже без всяких приключений, добрались до дома.

Через два дня мы улетали в Россию. Накануне была замечательная отвальная, на которую мы позвали Свету, Мирко и поселившихся недавно на первом этаже виллы «Мария» трех веселых подружек из Москвы.

В аэропорт нас провожал Мирко, Света была занята на работе. Он довел Лену и меня до самой стойки регистрации, и мы обнялись. Попрощались и с ним, и с Хорватией...

Посмотри, там ракия осталась у нас еще? Осталась? Наливай! Знаешь, у хорватов есть замечательный традиционный тост, он мне очень понравился. Сейчас я его и произнесу. Сто лет жеве, друже! Сто лет! За тебя, за твое здоровье! Спасибо, что зашел сегодня!

Сегет Враница – Сплит – Петрозаводск. 2011 г.

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

*Работал в печатных СМИ и на телевидении,
в настоящее время – в энергетической компании.*

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

